

*Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал — и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»*

Федор Тютчев

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ СОН

ПИВБАР «ХМЕЛЬ»

К утру гости ушли, а Володя Рекшан остался.

С ним, проснувшись, и пошел в пивбар «Хмель» на Лиговке.

В пивбаре играла гармошка, синеватыми пластами висел табачный дым, густо пахло мочой и пивом.

Люди с серыми, измятыми лицами толпились в очереди...

Честно отстояв ее, мы заставили кружками весь край стола.

И как-то так получилось, что скоро возле нас собралась компания. Кого-то мы угостили, кто-то просто подошёл послушать, как рассказывает Рекшан о своём приятеле, не то музыканте, не то кочегаре, жившем на Лиговке.

У многих были свои подходящие для задушевной похмельной беседы знакомые кочегары и уголовники, а когда к пиву взяли водки, небритый мужичок лет сорока вдруг объявил себя другом знаменитого лиговского бандита Лёньки Пантелеева.

И очень мне обидно тогда стало, что один я, хотя и живу здесь, на Разъезжей улице, не только Лёньки Пантелеева не знал, но даже рядовые лиговские кочегары и уголовники мне неизвестны.

В приступе зависти и начал я считать возраст пантелеевского кореша. Вышло, что ему уже на девятый десяток перевалило...

— А ты, отец, хорошо сохранился! — завистливо сказал я. — Ни за что бы тебе столько лет не дал!

И даже стихи Сергея Есенина по этому поводу вспомнил...

*Ах, сегодня так весело россам,
Самогонного спирта — река.
Гармонист с провалившимся носом
Им про Волгу поёт и про ЧеКа...*

— Ты вот чужие года считаешь да стишки сочиняешь, — обиделся мужичок с гармошкой. — А про ЧеКа что ты знаешь?

Выпито было порядочно, и никакого желания доказывать, что стихи Есенина написал не я, во мне не возникло.

— А ты чего знаешь?! — перехватывая инициативу, спросил я. — Ты знаешь, кто со мной стоит?! — я кивнул на Рекшана.

— Он, если ты хочешь знать, начальником ДонЧеКа работал. — Ну! — не смутившись, кивнул Рекшан и подлил себе в пиво водки.



— Ну и что... — сказал кореш Леньки Пантелеева. — Зато про нас с Ленькой книжка есть написанная...

— Подумаешь! — заступился я за Рекшана. — Про него тоже в книжке написано. «Тихий Дон» называется. Не читал?

— Ну! — снова подтвердил Рекшан. — Мишка Шолохов меня пропесочил...

Очень задушевный разговор получился.

Мы с Рекшаном и о расстрелянных в подвалах ДонЧеКа гимназистках поговорили, и о донских плавнях, где стояли эскадроны, а кореш Лёньки Пантелеева вспомнил, что у них в банде тоже один казачок с Дона был...

И только обидевшийся гармонист долго буравил Рекшана своим покосевшим от «ерша» глазом, а потом вдруг выпалил:

— Врёт он всё!

И так это грубо, так бестактно в задушевном разговоре прозвучали эти слова, что гармонист и сам испугался.

— Врёт... — повторил он уже менее решительно. — Наверняка он в этой ДонЧеКа всего замначальника работал!

Мы не стали спорить с ним...

Как это заканчивалось стихотворение Сергея Есенина?

*Нет! Таких не подмять, не рассеять,
Бесшабашность им гнилью дана.
Ты, Рассея моя... Рас... сея...
Азиатская сторона!*

Ну, и какая разница, что нас отделяет от есенинских забулдыг шестьдесят с лишним лет...

Тем более что включишь сейчас телевизор, а там, может, опять какой-нибудь Рональд Рейган вместо нашего генсека сидеть будет.

2 января 1986 года, Ленинград

НОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Опубликовано заявление М.С. Горбачева, в котором провозглашена советская программа поэтапной ликвидации до конца века всех ядерных вооружений и других средств массового уничтожения.

Еще Михаил Сергеевич выдвинул лозунг «нового политического мышления», не раскрыв, впрочем, его содержания.

Сиди и гадай, что это такое?

— Ну и что? — сказал в ответ на мои недоумения художник Гоша Семенов. — У корейцев тоже идея чучхэ есть. Никто ничего про нее не знает... А мы что, хуже?

Действительно, новое политическое мышление ничем не хуже звучит, чем корейская идея чучхэ.

16 января 1986 года, Ленинград

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ СОН

Последние месяцы — редактирование сборника «Ладога», участие в различных комиссиях! — всё чаще сталкиваюсь с различными экологическими сюжетами.

Разумеется, говорить о том, что экологическая проза становится некоей литературной реальностью, преждевременно, но во сне именно так и происходит.

Сегодня проснулся и долго вспоминал приснившийся разговор.

Говорили, что излюбленные сюжеты русской литературы — трагедия человека, непонятого обществом, трагедия личности — постепенно оттесняются отношениями человека с природой, виной любого человека как члена общества перед природой.

Ну, а собеседник мой возражал, дескать, такого никогда не произойдет, поскольку книги пишутся не для берёз, не для озёр, не для гор, а всего лишь для человека, значит, человек и его положение в обществе и останутся основными объектами литературы.

Я пытался объяснить, что осознание человеком вины перед природой не подменяет объект литературы, а только позволяет по-другому взглянуть на него, потом замолчал, пытаясь вспомнить заготовленную еще наяву мысль, дескать, любое преступление, даже совершенное одной нацией против другой, ничтожно и неразлично по масштабу с преступлениями, совершаемыми человечеством по отношению к природе...

Мысль эту во сне я так и не вспомнил...

Как-то — так бывает только во сне! — затуманилось пространство, и возникло ощущение, что я и не человек уже, а нечто схожее с книгой, которую читает что-то, тоже совсем не похожее на человека...

От этого странного ощущения и проснулся...

30 января 1986 года, Ленинград

ОДНО И ТО ЖЕ

По «вражбим» «Голосам» передали, что диссидент и борец за право советских евреев на эмиграцию в Израиль Натан Щаранский и еще трое «узников совести» обменены на пятерых советских разведчиков.

Слышал сегодня в трамвае разговор.

— А почему на пятерых? — спросил мужчина лет сорока. — Их же всего четверо...

— Щаранский, наверно, за двоих идёт... — ответил ему другой мужчина.

— Почему за двоих?

— Ну как же... Говорят ведь, что он — диссидент, а еще он — борец за права евреев...

— Ну и что? Это же одно и то же!

— Ну, это у нас... А за границей, видно, не знают об этом...

11 февраля 1986 года, Ленинград

СТРАШНАЯ ПАМЯТЬ

В издательстве дали на редактуру книгу Георгия Константиновича Холопова. Книга слабая, составлена из очерков, написанных для газет еще в сороковые годы, очерки кое-как скреплены современными комментариями. Но Холопов — главный редактор журнала «Звезда», поэтому книгу решили издавать.

Георгий Константинович — из носа куски ваты торчат — болен, и книгу я редактирую прямо у него на квартире. Вначале работа, потом — обед с выпивкой, с воспоминаниями.

И в кабинете, и в столовой вспоминает Георгий Константинович о войне. Только у меня такое ощущение, словно это совершенно разные войны.

В книге, а значит, и в рабочем кабинете разговоры о подвигах советских солдат, об их интернационализме, в столовой — тоже о подвигах, тоже об интернационализме, но здесь эти разговоры наполняются такими деталями и подробностями, которые заслоняют собою всякий интернационализм.

Очень страшный рассказ о замерзшей зимою на переходе роте. Солдаты сидят с автоматами, в шинелях, в шапках — но все уже мёртвые.

Или рассказ о раскатанном на дороге колесами грузовиков красноармейце, который стал огромным и темным, как тень...

Жена Георгия Константиновича тоже воевала. Она тоже вспоминает, как везли раненых в госпиталь, когда был убит шофер.

— Я сама за руль села и повела полуторку...

— А раньше только легковушку водили?

— Нет... Раньше я вообще водить машину не пробовала...

— А как же вы завели ее?!

— Не знаю... На войне часто приходилось делать то, что не умеешь делать. И делали... Я тоже. Завела мотор и поехала. Если бы не завела, вместе с ранеными бы погибла.

— Вот бы, Георгий Константинович, об этом книгу написать, — не удержавшись, сказал я.

— Не могу... — грустно ответил Холопов. — Только вспомню об этом, и сразу сердце жать начинает. Как я писать буду?! У меня и так уже инфаркт был...

Вид у него растерянный, больной и из ноздрей куски ваты торчат...

10 апреля 1986 года, Ленинград

НАЧАЛО СТРАСТНОЙ НЕДЕЛИ

Сборная СССР в 20-й раз стала чемпионом мира по хоккею.

В городе теплынь. Такая благодать, что домой из издательства возвращался пешком.

Возле Невского проспекта меня догнали Ирина Моисеева и ее муж — Женя Попов. От них и услышал новость, что взорвалась атомная электростанция в Чернобыле.

— Может, слухи просто? — усомнился я.

— Какие слухи, если по «Голосам» говорят, что радиоактивное облако достигло Швеции!

Все равно не хотелось верить. Но вот, завиваясь от мчащихся машин, поднялась дрожащим сероватым столбом пыль, и как-то сразу суше, мертвее стал воздух, труднее стало дышать.

И вроде бы ничего и не произошло, но уже не осталось сомнений, что что-то страшное все-таки случилось...

29 апреля 1986 года, Ленинград

ПАСХА

Сегодня Пасха...

Хотел пойти на Крестный ход, но засиделся у радиоприемника. По «Голосам» рассказывают об ужасах, что творятся в Чернобыле...

Когда выключил приёмник, на Крестный ход идти было уже поздно. Посидели еще немного, чтобы можно было зайти в церковь без толкучки.

Толкучки и не было.

Когда мы пришли, уже не было и службы. Все сидят кто где, кто — на подоконнике, кто — на полу.

Такой неживой церкви я еще не видел...

4 мая 1986 года, Ленинград

ГОРДОСТЬ ГЕНСЕКА

Сегодня, на двадцатый день после Чернобыльской аварии, М.С. Горбачев обратился к стране.

Интересно, что Иосиф Виссарионович Сталин, которого все ругают сейчас за растерянность в начале войны, выступил с обращением «Братья и сестры» на двенадцатый день.

По партийной привычке делать вид, что мы идем «вперед планеты всей», М.С. Горбачев с нескрываемой гордостью назвал Чернобыльскую аварию самой большой катастрофой в истории всей мировой атомной энергетики.

Еще он сообщил, что девять человек погибли и 229 госпитализированы.

14 мая 1986 года, Ленинград

ДОСТАТОК

Вчера пришел в издательство Толя Степанов. Долго рассказывал о китайцах, за спиной которых только небо...

Потом рассказал свой сон.

Он лежал с женой, но почему-то не в постели, а на дне глубокой ямы. Голые, изнуренные, они смотрели на голубое небо, по которому были разбросаны красные цветочки. Лежали так долго...

Прошла Троянская война, прошла война Белой и Алой Розы, прошла Первая мировая война...

Потом они родились, но от этого ничего не изменилось. Просто шёл дождь, и глинистая земля под ними становилась холодной и скользкой...

— Вот и всё, что я запомнил... — сказал Толя. — Помню ещё, что небо становилось всё страшнее и мы теснее прижались друг к другу, пытаясь согреться, и я закрыл глаза, чтобы хоть зрением не почувствовать холод и сырость.

И он закрыл глаза, показывая, как они были закрыты там, в глубокой глинистой яме...

— Пошли! — сказал я, и мы отправились искать выпивку.

Пили мы в Тайцах на берегу пруда, где хранится вода для орошения.

Рядом на глинистом берегу сидел Толин приятель, художник Лев Новицкий, и в его доме, заросшем желтым донником, я и проснулся утром.

Дом был большой, но недостроенный. Видимо, хозяин начинал строить его с энтузиазмом, но посреди строительства силы кончились, и многие замыслы так и остались в замысле.

Я лежал один в комнате, и было холодно, как в яме у Толи Степанова, а наверху висели картины, очень светлые, солнечные, радостные...

Я встал...

Разыскал хозяина, сидевшего посреди желтых цветов, потом вдвоем долго искали Анатолия, спавшего под мольбертом в мастерской.

Опять пили, и Толя говорил, что вот сейчас только-только и начинаем мы входить в достаток, а раньше что? Раньше мы в абсолютной нищете жили...

Лёва кивал ему.

— За достаток... — предложил я.

— За достаток... — поддержали меня приятели, поднимая граненые стаканы, испачканные масляной краской.

Впрочем, это снаружи, а изнутри стаканы были чистыми, как небо за спиной китайцев, как картины, висящие по стенам мастерской.

15 июня 1986 года, Ленинград

ПЕРЕМЕЩЕНИЯ

Определением Священного Синода митрополитом Ленинградским и Новгородским назначен Алексей, архиепископ Таллиннский...

Ко мне это никакого отношения не имеет, но у меня тоже перемены.

Я еще не решил, идти заведовать прозой в «Неве» или нет, но повод, чтобы уволиться из издательства «Советский писатель», получился отличный. Конечно, на вольные хлеба можно было уйти и без объяснений, но хотелось уйти мирно, оставаясь в редсовете, сохранив позицию для издания своей книги.

Так и поступил.

— Понимаю... — сказал директор издательства, подписывая мое заявление. — Вам расти надо... Понимаю...

Сегодня проснулся — по радио читают главы моего романа «Долгие дни лета».

2 июля 1986 года, Ленинград

ЧИНОВНИЧЬЯ ЩЕДРОСТЬ

Очереди на вокзалах за билетами — просто отчаяние. Надо бы съездить в Псков, но никак.

Забрал в «Детгизе» корректуру «Рассказов о землепроходцах» и потом сидел у себя в издательстве, вычитывал ее, когда главный редактор издательства Роальд Викторович Назаров ввел в мой кабинет писателя Петра Губанова.

У Губанова в прошлом году был инфаркт. Под инфаркт Петр Петрович заключил три договора, а сейчас пришел к нам, чтобы заключить четвертый.

— Помогите, Николай Михайлович... — сказал Роальд Викторович. — Я прошу вас проявить максимум внимания... Потом скажете мне, что вы решили...

И он вышел.

— Извините, пожалуйста, Петр Петрович, — сказал я. — Я вернусь сейчас...

Назаров удивился, увидев меня так быстро.

— В чем дело? — грустно спросил он.

— Роальд Викторович! — сказал я. — Я ведь ухожу из издательства, надо Губанова к другому редактору направить...

— Что вы, что вы! — заволновался Назаров. — У него же инфаркт... Вы представляете, что с Петром Петровичем будет, если ему сказать такое? У него же второй инфаркт может произойти!

— А что будет, когда он узнает, что я ушел из издательства?

— Мы придумаем что-нибудь... И вообще... Для инфарктника, Николай Михайлович, каждый лишний день подарок! Будем с вами щедрее к Петру Петровичу!

Мне только пожать плечами и оставалось. Вернулся к себе и больше часа слушал Губанова, что после инфаркта у него лексика лучше стала.

Потом, когда он ушел, посидел еще, вычитывая гранки книги «Рассказы о землепроходцах», а после работы поехал в «Неву» забирать экземпляры с первой частью романа «Долгие дни лета».

22 июля 1986 года, Ленинград

НА ВОЛЬНЫЕ ХЛЕБА

В эту неделю итоговые, в каком-то смысле, этапные для моей жизни события подобрались...

Завершил свою зубную эпопею.

Закончил — даст Бог окончательную! — переделку романа «Заводское поле».

Устроил в издательстве отвальную, закончившуюся коллективным купанием в ораниенбаумском пруду. Работа в издательстве хотя и оплачивалась неплохо, но сушила, сушила, и в темной воде пруда я ощутил истинное блаженство.

Словно всё то, что сушило меня, ушло...

Сегодня передали в «Новостях», что М.С. Горбачёв объявил о начале вывода советских войск из Афганистана.

28 июля 1986 года, Ленинград

СКВОРЦЫ

Приехали в Вознесенье...

Всё в здешнем доме за год отвыкло, отбилась от людей.

Птицы и те чувствуют себя хозяевами и даже не улетают с тропинки, когда идёшь за водой.

А сегодня сидел у окна, читал книгу, и вдруг потемнело, хлопаньем крыльев, пересвистом, каким-то шипением наполнился сад...

Это стая скворцов опустилась в малинник...

29 июля 1986 года, Вознесенье

УХОДЯЩИЕ В ОКНО

Господи! Как быстро летит время!

Встретил одноклассницу, которую помню ещё тоненькой, хрупкой девчонкой, а сейчас у неё уже дочь на выданье. И жалуется одноклассница, что как-то непутёво всё в жизни, ох, непутёво...

— А в чём дело? — спросил я.

И она объяснила, что влюбилась восемнадцатилетняя дочка в сорокалетнего ленинградского шофера, а тот разведенный уже и вообще — тёртый калач.

Одноклассница не договорила, махнула рукой, а потом рассказала, что вчера, когда уходила на работу, закрыла дочку на ключ в доме, так дочка выставила двойную раму и ушла в окно.

— Вот беда-то... — по-бабьи вздохнула она. — Ох, беда-девка...

И не то удивительно, что так потяжелела одноклассница.

Удивительнее, что вместе со своей девичьей хрупкостью позабыла она, как двадцать лет назад — тогда об этой истории много говорили в поселке — сама ушла в окно, сбежала от родителей на самоходку к будущему мужу.

29 июля 1986 года, Вознесенье

ПЛОТНИКИ

Пришли веселые мужики.
Сели на брёвна, закурили. Посыпались шуточками.

— Брёвна вроде коротковаты..
— Так с вечера, кажется, подходящие были?
— А всегда так... Придёшь — длинные лежат, посидишь, подумаешь — короткими становятся.

Потом взялись за работу.
Красиво работали, ловко, складно.
А когда свечерело, побросали топоры в рябиновый куст и пошли по домам.

И вроде ничего и не говорили особого, а сразу сказкой повеяло...

Заворочалось в глубине памяти про кукушку, которая кукует — горе вещует, и если натошак откуковала — не к добру это...

Про старуху вспомнилось, которая обернулась свиньёй и побежала, да не успела встретиться над струистой водой на кленовом мосту...

А с кем встретиться не успела?
Пытаясь вспомнить, присел на брёвна, слушая, как шумит под ветром рябиновый куст, в который побросали плотники топоры.

Что-то чудилось в этом шуме неясное, неотчетливое, но страшно притягательное...

30 июля 1986 года, Вознесенье

МОГИЛА МАТЕРИ

Когда сегодня пошли на кладбище, накрапывал мелкий дождь. А как вошли в свою оградку, так и проглянуло солнышко.

Засверкали в его лучах мокрые листья ландыша, засветились красные ягодки на них.

— Ишь ты! — сказала тётушка. — Видишь, Миколя, как мама-то тебя встретила.

Встретила...
Давно я здесь не был. Уже зарастает мхом мрамор на маминой могиле.

31 июля 1986 года, Вознесенье

У ВИННОГО МАГАЗИНА

Винный магазин в Вознесенье — единственный, что торгует спиртным в округе. Едут сюда и из Карелии, и с Вологодчины...

В те дни, когда в магазин привозят водку, очередь растягивается до поселкового совета. Стоят в очереди по три-четыре часа и потихоньку звереют.

Бьют стёкла в магазине, рвут двери, друг друга тоже рвут.

За три дня до моего приезда в поселок убили в очереди человека.

А одну старушку, которая, отстояв в очереди, купила водки на поминки по сыну, догнали, ударили по голове, сбили с ног и расхватали бутылки.

И это посреди дня...

Вот и сегодня, хотя и повысили цены на алкогольные напитки, а возле магазина — мамаево побоище.

Я проходил мимо около шести часов вечера, когда вся привезенная водка была распродана, и возле магазина ходил мужичок, вставлял выбитые стекла в окне. Дел ему предстояло на нынешний вечер немало — магазинная дверь была вырвана и висела на одной петле...

1 августа 1986 года, Вознесенье

ПОСЕЛКОВЫЕ ИНТРИГИ

Нина, моя двоюродная сестра с отцовской стороны, живёт в поселке, а Галя, двоюродная сестра по материнской линии, живет в Ленинграде и в Вознесенье приезжает в отпуск, к матери.

Между Ниной и Галей — они одноклассницами были — «контры» ещё с выпускных экзаменов.

А сегодня они в пункте проката газовых баллонов встретились.

Долго стояли в очереди, разговаривали о жизни и слушали, как спорят в очереди женщины — будут менять баллоны или нет...

Галя тоже волновалась, а Нина стояла спокойная. У неё блат был, она училась вместе с приёмщицей баллонов и уверена была, что без газа не останется.

Когда пришла приемщица Вера и объявила, что сегодня машина с баллонами не придёт, все начали расходиться, а Нина улучила момент, незаметно сунула пустые баллоны подруге и полные.

Никто ничего не заметил, даже Галя.

— Тащить-то тяжело... — сказала она. — Может, оставим баллоны, чтобы зря не таскать?

— Не... — ответила Нина. — Она не берет на хранение...

— А я попрошу... — и Галя поставила свои пустые баллоны в окошечко.

Приемщица ругаться стала, и Гале баллоны пришлось забрать.

— Да... — посочувствовала Нина. — Верка такая вредная стала. Хоть бы баллоны оставляла, так нет, таскай, леший их забери, пустые туда-сюда...

— Да уж... — согласилась Галя.

Про то, что Нине удалось газ поменять, а у Галито ничего не вышло, я узнал от Марины, которая ходила к Нине поджарить на её газовой плите мясо. А вечером, когда зашел к тетушке, увидел, что газовая плита работает и у них.

— А Нина говорит, тебе не удалось газ поменять... — сказал я.

— Это ей не удалось, — сказала Галя. — А мы с Верой за одной партией сидели. Мне она меняла...

— Только ты, Николая, — попросила тетушка, — языком-то не болтай! Не рассказывай ничего Нинке...

— Не расскажу, — сказал я.

И сдержал слово. И Гале не стал рассказывать, что она напрасно насчет Нины злорадствовала, и Нине её радость омрачать не стал.

Поселковые интриги — дело суровое...

3 августа 1986 года, Вознесенье

НА ТОЙ СТОРОНЕ

Этим летом луна над нашим поселком такая оранжевая и такая большая!

И так страшно по ночам, долго и все сразу — от Карьешки до перевоза — лают за рекой собаки.

Перед отъездом рассказал это тетушке, а она только вздохнула тяжело:

— Вся жизнь там, Николая, в зареке страшная стала. Огороды у людей уже не таясь копают. А теперь, говорят, и в дома ходят. Хозяев побьют и идут себе, посмеиваются.

— А милиция чего же?

— Дак какая милиция там? Один милиционер и есть на всю зареку. Чего он сделает? Вот и сдювлиются хулиганы хорошие...

6 августа 1986 года, Вознесенье

НАДО УСПЕТЬ

Съездил в Москву вполне удачно.

Всех, кого хотел застать, застал, со всеми, с кем собирался поговорить, поговорил.

Сдал своего «Ермака» в посвященный XVI веку том «История Отечества».

Поговорил с Николаем Машовцом и Пелеховым, редактором моей будущей книги.

Потом поехал в журнальный корпус. Был в

«Дружбе», «Сельской молодежи», «Студенческом меридиане».

Виделся в ЦДЛ с Вадимом Кожиновым, Анатолием Курчаткиным, Русланом Киреевым.

Ездил в ЦК ВЛКСМ, говорил о своих командировках...

В Москве самые любимые сейчас слова: «Надо успеть».

19 сентября 1986 года, Москва

РАЗГОВОР О РАБОТЕ

Приехал из Ангарска Толя Кобенков с новой молодой женой.

— Снова придется квартиру выбивать? — спросил я.

— А что делать... — Толя развёл руками.

Экий он неутомимый у нас на женитьбы.

Я сегодня весь день занимался манипуляциями в «Звезде», связанными с внедрением «Русских сказок» вместо очерка, которым должен был отписаться за командировку во Владивосток в прошлом году.

Потом зашел в «Неву».

Рассказал Б.Н. Никольскому о московском выражении «надо успеть».

— Успеют... — усмехнулся Никольский. — Напечатает кто-нибудь Солженицына, и сразу кончится спешка...

Потом он как-то повернулся вбок и, глядя в стену, сказал, что вот ведь и мы успели напечатать роман «Долгие дни лета», теперь можно выходить на работу, как договаривались, никто не скажет, что я первым делом, как начал заведовать прозой, свой роман напечатал.

И как-то сразу потускнело настроение.

— Я с первого числа на работу выйду... — сказал я.

— С первого так с первого... — сказал Никольский и что-то пометил у себя в календаре.

22 сентября 1986 года, Ленинград

СОВПАДЕНИЕ

Последние дни перед работой решил провести в Вознесенье. И как-то угадали ведь приехать. Под вечер тетушке плохо стало с сердцем.

Заплакала.

— Похороните меня, ребяташки, между мамой и Машей...

Мама — это моя бабушка, а Маша — моя мама...

Ночью тетушку увезли в больницу.

Случайно ли совпал ее приступ с нашим приездом? Не знаю... Тётушка живёт в Вознесенье одна. Можно было бы поехать в Ленинград, но там в больницу не попадёшь, нет у тётушки ленинградской прописки. А здесь, в посёлке, тоже несладко одной. Вот и держалась на отчаянии, на нерве. А мы приехали — она расслабилась, и сразу кризис.

Всё это как-то отчаянно страшно.

25 сентября 1986 года, Вознесенье

МЕСТНАЯ ГАЗЕТА

Из тётушкиного окна за низкорослыми яблоньками виден переулок, невысокие дома, сарай с прогнившими и провалившимися на крыше тесинами.

Окно здесь — вместо местной газеты. Пока тётушка не попала в больницу, целыми днями она эту газету читала.

Вот машина к Кисляковым проехала с дровами, надо бы и ей сходить похлопотать, чтобы дров привезли...

Вот соседка, торопясь, прошла к магазину. Наверное, хлеб привезли...

А это кто с коляской? Люська Семенова! Ишь, опять от мужа ушла из каменных домов, пьяный небось пришел...

И столько поселковых новостей узнаешь, пока сидишь у окна, что и ходить никуда не надо.

Но сегодня тётушки нет. И за окнами идёт мокрый снег. Тяжёлые хлопья падают в дорожную грязь, на сырые доски панелей и тут же тают.

Кончилась погода, и никаких новостей не узнать, сидя у окна.

Или, может быть, просто я уж отвык от посёлка и не могу ничего разбирать в оконной газете?

26 сентября 1986 года, Вознесенье

СДВИЖЕНЬЕ

Сегодня Воздвижение Креста Господня.

Но у нас в посёлке церкви нет уже более полувека, и Воздвижение превратилось в Сдвижение.

— Сдвижение звизжит... — говорила тетя Паня.

«Звизжит» — это дождь с ветром, непогодь. Считается, что на «сдвижение» змеи уползают в норы.

Сегодня с утра мокрый снег. Он падает на желтые, еще не облетевшие листья деревьев. Это и выглядит страшновато, и примета есть такая — если снег падает на листву, много будет покойников.

Но к полудню небо разъяснило, снова проглянуло солнце, растапливая снег и заполняя мир радостным, живым светом.

27 сентября 1986 года, Вознесенье

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Листал сегодня у Кисляковых альбомы, и хотя какие мы родственники? — но увидел этот снимок и сразу почувствовал, что мы родные...

На фотографии — остречинские колхозники возле какого-то колхозного сарая. Тут и дед Кисляков, и моя бабушка, и еще много незнакомых, должно быть, давно умерших женщин.

В руках — серпы, снопы овса, ржи. У всех — строгие от труда, почти иконописные лица.

Сейчас уже нет этих людей, и сейчас не растёт у нас ни овес, ни рожь...

Да и лица такие нечасто встретишь...

27 сентября 1986 года, Вознесенье

ВОЗНЕСЕНСКАЯ НОЧЬ

Ночь. Выйдешь из дома — грохочет на реке земснаряд, а вернёшься в дом — снова тихо.

Непривычно останавливаться у тётушки.

Раньше её комната — так много взрослых людей умещалось в ней — казалась большой, просторной. А сейчас столько народу уже никогда не собирается здесь, и комната кажется тесной.

Всю ночь шёл снег, и к утру посёлок — по колёно — завалило снегом. Под снегом деревья, дома, земля.

Снег плохо держится на листве и то и дело срывается вниз, целыми пластами тяжело обрушивается на землю. От этого вокруг — непрекращающийся шорох.

Ночным снегом засыпало и цветы в тётушкином палисаднике.

Тётушка прибежала сегодня из больницы и больше всего, кажется, из-за них и горевала.

— Ещё бы цвести им да цвести...

А потом сразу засобиралась в больницу.

Опять заболело сердце...

28 сентября 1986 года, Вознесенье

НА ПУТИ К ГОРОДУ

Возле каменных домов, на пустыре у леса, начинается строительство пятиэтажного, как в городе, дома.

И странно, когда, возвышаясь над низенькими серыми избами, проезжают по дороге ярко-желтые краны, синие самосвалы, такие неприлично большие и сильные рядом с разваливающейся на глазах жизнью...

Засмотрелся на эти машины и тут и увидел почтальоншу.

Обрадовался.

— Тётушка спрашивала, не пришла ли посылка ей?

— Дак есть какой-то Малышевой посылка пришедчи. Только адреса не написано, дак как знать которой. Трое их у нас, Малышевых.

— Наверно, тетушке, если из Ломоносова.

— Дак из Ломоносова, только адреса нет. Вот ведь, стройка у нас почти как в городе, а некоторые и сейчас без адреса посылки шлют. Как знать, которой старухе отдать?

28 сентября 1986 года, Вознесенье

НА КЛАДБИЩЕ

Еще вчера всё было белым-бело, и земля в снегу, и деревья.

Сейчас снег опал с деревьев и на него сыплются ещё не облетевшие желтые листья.

Странная и необычная красота — белый снег, засыпанный жёлтыми листьями.

Пошли на кладбище.

Кладбище это возникло после войны, на краю сожженного поселка, и так и росло, постепенно запутываясь без церкви.

Без тетушки долго блуждали между оградками, пока нашли родительские могилы.

Но чисто, чисто было на кладбище...

Белый снег, медная, лиственная мелочь на снегу, а пришли мы, посидели, ушли, и что осталось? Затапанный, грязный снег...

30 сентября 1986 года, Вознесенье

ЭРА ГЛАСНОСТИ

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Вчера еще ходил в Вознесенье на кладбище, сидел вечером перед ночным автобусом, завершая правку «Пригорода», думал о «Гавдарее», что хорошо бы сделать ее эпическим, листов на

50, романом, а сегодня всё это далеко и как бы и не со мною.

Сегодня — мой первый рабочий день на новом месте, в отделе прозы «Невы».

Провёл ревизию своего кабинета.

От предшественника осталась гора рукописей, и неведомо кто и когда читал их — сотрудники моего отдела ничего об этих рукописях не слышали...

1 октября 1986 года, Ленинград

БЕЛЫЕ ОДЕЖДЫ

Читал роман Владимира Дудинцева «Белые одежды», который он предложил нашему журналу.

Читается легко.

Хороши сцены собраний. Точно выстроена драматургия противостояния добра и зла, света и тьмы...

Правда, немножко смущает романтизм.

Добро в романе Дудинцева обладает прямо-таки нечеловеческой стойкостью. В жизни всё было наверняка не совсем так...

Мысли о своем романе «Долгие дни лета».

Я, конечно, опоздал с ним. Если бы роман вышел хотя бы год назад, он мог бы и прозвучать, а сейчас, когда все ждут сенсаций и разоблачений, его просто не читают.

3 октября 1986 года, Ленинград

СВОБОДА

Почти три недели подряд непрерывно читаю чужие рукописи и для развлечения пишу веселые рассказы про Люсю Лампочкину: «Наперегонки», «Зачем медведи на Марсе», «Полиглоты», из которых складывается детская книжка «Люся Лампочкина и ее брат — Леша Лампочкин».

Ходил сегодня смотреть на митинг на Владимирской площади, собранный, чтобы защитить от сноса «Дом Дельвига».

Свобода-таки...

19 октября 1986 года, Ленинград

ГОЛУБИНАЯ СМЕРТЬ

Утром, когда уходил на работу, кот вылез на подоконник и лапой попытался ухватить голубя.

Голубь улетел, но пару перьев коту удалось вырвать.

Пока мы с Мариной открывали окно, чтобы отобрать перья, кот успел разгрызть одно из них.

Часа в три Марина позвонила мне в редакцию, сказала, что кот заболел. Я после работы поехал в Союз писателей на заседание секции прозы, а потом выпил и домой позвонил уже от Кутузова.

Трубку взяла Лена Капелюш...

— Кот умер! — сказала она голосом, полным отчаяния.

— Кто умер?! — не расслышав, испугался я.

— Кот!

— А Марина где?!

— Она плачет...

22 октября 1986 года, Ленинград

ТЕМПЕРАТУРА

Ездил с Анатолием Степановым в Тайцы к Льву Новицкому. Все Тайцы провоняли угольным дымом, в доме собачий холод.

Степанов пил с Левого самогонку, а я смотрел картины и мёрз.

И в результате заболел, конечно... Сегодня днем поднялась температура, даже на работе досидеть не смог.

Ушел, оставил Никольского за чтением цензурного перечня сведений, запрещенных к публикации в открытой печати...

Цензура не подписывает роман «Белые одежды» Владимира Дудинцева...

20 ноября 1986 года, Ленинград

БЕЛЫЕ ОДЕЖДЫ

По дороге в Голицыно завёз в Москве Владимиру Дмитриевичу Дудинцеву третью часть корректуры его романа.

Здесь и позавтракал.

Разговор, как и положено за завтраком, непринужденный, легкий. О Пицунде, о ресторане «Инкыт», о директоре Дома творчества Гугуше Тарасовиче.

Еще Владимир Дмитриевич рассказывал о своих котах...

Кот метил квартиру, но силы у него было так много, что квартирного пространства ему оказалось мало. Когда кот пометил рукопись «Белых одежд», решили кастрировать его.

В результате кошка осталась без жениха и в поисках оставленных котом меток изодрала «Белые одежды».

История символическая. Цензура сейчас тоже ищет какие-то ей одной важные метки и когтями рвёт рукопись «Белых одежд» В.Д. Дудинцева.

— Но мы держимся! — сказал я. — Никольский решил не идти на замену.

— Да, — вздохнул Дудинцев. — Я знаю. Мы говорили по телефону...

Я попросил Владимира Дмитриевича подписать мне роман «Не хлебом единым», который захватил с собою из Ленинграда.

Мне немало писателей подписывали свои книги, но, право же, подпись Дудинцева отличалась от них.

«Дорогой Николай Михайлович! (то есть Ник. Мих. Коняев), — прочитал я. — С величайшим удовольствием делаю эту надпись в один из самых памятных для меня дней, когда Вы привезли мне верстку третьего куска «Белых одежд». Исторический день! (для меня). Превзойти его по значению может только одно. Желаю Вам приятно и с пользой провести время в Голицыно, а на обратном пути — опять к нам, и я, может быть, сообшчу тогда Вам нечто важное. Ваш. В.Д.»

— А сейчас работаете, пишете что-нибудь новое? — уже прощаясь, заинтригованно спросил я.

— Нет, не могу писать, пока с этим романом не разберусь.

Этот роман — всё те же «Белые одежды».

12 декабря 1986 года, Москва

ЗАЗВУЧАВШЕЕ НЕСКАЗАННОЕ

Ездил в «Молодую гвардию» получать деньги за «Ермака».

Серьезный разговор с редактором библиотеки «История Отечества в романах, повестях, документах» С. Елисеевым.

Говорили о славянах, русах, варягах...

Наша история такова, что родов не было у нас, были лишь территориальные общины. И позднейшее обояривание сёл, и прочие более страшные дела помешали нам развить родовые навыки землячества.

Потом поехал в журнальный корпус, вычитал корректуру рассказа «Марсиане» в «Сельской молодежи» и «Асфальтового мужика» в «Студенческом меридиане».

Вечером во «Времени» говорили о беспорядках в Алма-Ате...

После смещения первого секретаря компар-

тии Казахстана Динмухамеда Ахмедовича Кунаева и назначения на его место Геннадия Васильевича Колбина в Алма-Ате вспыхнули волнения с демонстрациями молодежи, с кровопролитием на площади Республики.

Я слушал передачу и вспоминал про свою поездку в Казахстан. Даже не саму поездку, а крохотный эпизод, когда мы, уже пьяные, выходили из бригадирского дома, чтобы ехать в клуб слушать пение акына.

Там-то и мелькнул русский мужичок. Серый, измятый, несчастный. Он стоял, высунувшись из-за угла сарая, и что-то пытался сказать мне, но что?

Меня тут же отвлекли казахи, сытые, пьяные, богатые.

Так и не поговорил я с мужичком.

И вот он вспомнился сегодня.

И после разговоров с Елисеевым о не развившихся родовых навыках землячества, после программы «Время» о беспорядках в Алма-Ате вдруг зазвучало всё не сказанное этим мужичком, и долго-долго, часов до четырех утра, не мог я заснуть...

18 декабря 1986 года, Голицыно

РОДИНУ ДУМАНО ЗАЩИЩАТЬ?

Ходил сегодня в редакцию журнала «Культурно-просветительная работа» к Николаю Ивановичу Горбачеву.

Никогда бы не подумал, что такая прекрасная русская история скрывается за мрачными громадами столичных домов, возведенных в сталинские годы.

Вот описанный Юрием Трифоновым «Дом на набережной». Вот «Комитет по ценам»... А во дворе — палаты думного дьяка, его домашняя церковь. Там — в трапезной — и размещается редакция журнала КПП «Встреча».

Поговорили о публикациях, потом Н.И. Горбачев повел меня в бар пресс-центра МИДа.

Как-никак, объяснил он, во-первых, сегодня восьмидесятилетие Л.И. Брежнева, а во-вторых, Советское правительство сделало заявление о прекращении одностороннего моратория на ядерные испытания после первого ядерного взрыва, который запланировали провести США.

— Поводы подходящие... — сказал Николай

Иванович. — Если, конечно, собираемся Родину оборонять...

Что тут скажешь? Что у нас Родину не думано защищать? Нет, тут не говорить надо, а выпивать.

Выпили.

19 декабря 1986 года, Голицыно

НЕ НАДО ТОРОПИТЬСЯ

В Голицыно все эти дни перерабатывал «Гавдарею».

В электричках, по дороге в Москву, писал заказанный Сергеем Сельяновым сценарий «СССР в послевоенные годы».

Сегодня утром ездил в Красногорск, работал в кинофотоархиве.

Работа над документальным фильмом никак не связана с «Гавдареей», но смотрел сегодня послевоенную хронику, и казалось, что вижу героев своей повести...

В «Гавдарее» у меня немало хорошего, но всё было как-то так неумело вставлено в текст, что терялось, гасло. Сейчас хорошего во мне меньше, зато больше умения вправлять в текст то хорошее, что было найдено.

Главное сейчас — не надо торопиться.

22 декабря 1986 года, Голицыно

НОВОСТИ 1987 ГОДА

Запомнилась на Новый год холодная квартира Семеновых, еще — катание на санках на горе над бомбоубежищем.

Сегодня первый рабочий день и сразу новость на работе — роман В.Д. Дудинцева «Белые одежды» подписан цензурой.

Не напрасно ждали столько времени...

4 января 1987 года, Ленинград

ВЫСШАЯ МАТЕМАТИКА ДИССИДЕНТСТВА

Сегодня состоялось бюро секции прозы.

Рассматривали приёмное дело Павла Кренёва.

Я не знал, кто это, но меня удивила запись в анкете: «По решению бюро горкома КПСС призван в армию». Мне-то всегда казалось, что в армию призывает военкомат и никакого решения бюро горкома для этого не требуется.

Евгений Васильевич Кутузов странно посмотрел на меня, когда я рассказал о своём недоумении, но объяснять ничего не стал.

Дальше было ещё непонятнее.

Как-то очень странно выступили Владимир Кавторин и Михаил Чулаки. Переглядываясь и как бы укрепляя друг друга, они объявили, что не будут голосовать за приём Кренёва в Союз писателей.

Впрочем, удивительным был не смысл выступлений, а пафос их. С таким мученическим выражением можно всходить на эшафот, но выступать по поводу приема молодого писателя?

Я читал книжку Кренёва, и проза его показалась мне вполне добротной, не уступающей по уровню текстам соискателей, которых мы обычно принимали в СП...

Об этом я и сказал, объявив, что буду голосовать «за».

Когда проголосовали, выяснилось, что все бюро проголосовало за прием Павла Кренева единогласно.

По простоте душевной я приписал этот результат своему авторитету, но когда за пьянкой — а мы пили вчетвером: я, Кутузов, Рекшан и сам виновник торжества Павел Кренёв — скромно обратил внимание собутыльников на это обстоятельство, все пришли в необыкновенное веселье.

Оказалось, что Павел Кренёв пишет рассказы в свободное время, а вообще он работает в КГБ, курирует нашу писательскую организацию, и только я один и не знаю об этом.

На следующий день я рассказал о своём открытии Владимиру Кавторину, но тот несколько не удивился.

— Я знал об этом.

— Так ты поэтому и агитировал голосовать против?!

— Ну, разумеется...

— А почему же потом проголосовал «за»?

— А почему ты решил, что я «за» голосовал?

— Ну, ведь подсчитали голоса... Единогласно было!

— Это кагэбэшные штучки! — отрезал Кавторин.

— Они и не такое умеют устраивать...

КГБ, конечно, разные штучки может устроить, но урну с бюллетенями вскрывали у меня на глазах, и я твердо знал, что подменить бюллетени было невозможно даже и для КГБ.

Да, не очень-то и понятно, зачем нужно публично агитировать против сотрудника КГБ, а тайно голосовать «за». Это какая-то высшая математика

современного диссидентства, осилить которую у меня не получается.

21 января 1987 года, Ленинград

ЗАПРЕДЕЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

Какой-то странный уклон в воспоминаниях наших писателей намечается. Что-то совсем уж запредельное нынче из памяти лезет.

Сегодня с Прохвятиловым и Суровым выступали в библиотеке имени М.В. Ломоносова, и Прохвятилов рассказывал, как умирают подшитые алкоголики, потому что не выдержали и выпили, а Валера Суров вспоминал, как его завалило в воркутинской шахте.

После выступления зашли с Суровым в гости к прозаику Павлу Васильеву, который неподалеку от библиотеки живёт.

Впрочем, и здесь, когда выпили, тоже попёрли воспоминания.

Павел начал рассказывать про коллективизацию на Полесье, которая в 50-е годы проходила, про матерей, которые бросали своих детей под гусеницы тракторов, запахивающих личные приусадебные участки.

Я уже немного захмелел к этому времени, и мне как-то досадно стало, что вот вроде бы и по заводским общагам скитался столько лет, и на стройках работал, а ничего этакого похожего на матерей, бросающих своих детей под гусеницы тракторов, не видел.

Да и в шахте меня породой не заваливало.

Даже алкоголиков, хоть их-то я, конечно, повидал немало, ни одного не встречал, который бы от вшитой торпеды умер...

Такое ощущение, что вся жизнь мимо прошла...

Мои товарищи слушали меня и сочувственно вздыхали.

22 января 1987 года, Ленинград

АДЕКВАТНЫЙ ОТВЕТ

США провели в штате Невада подземный ядерный взрыв — 25-й после введения Советским Союзом одностороннего моратория на ядерные испытания.

Ну, а в СССР принято постановление о создании кооперативов общественного питания, кооперативов по производству товаров народного потребления, кооперативов по бытовому обслуживанию населения.

Такой вот, пользуясь терминологией первых месяцев правления М.С. Горбачева, адекватный ответ, хотя и «несимметричный».

6 февраля 1987 года, Ленинград

ЛАТЫШСКИЙ СТРЕЛОК

В «Новостях» передают, что Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев прибыл в Ригу. Он посетил мемориальный памятник-музей латышским красным стрелкам и выдвинул на встрече с партийным активом идею проведения выборов в Советы на альтернативной основе.

Такой вот у нас Михаил Сергеевич латышский стрелок, оказывается...

17 февраля 1987 года, Ленинград

ЧТОБЫ ДОКРИЧАТЬСЯ

Читаю двухтомник воспоминаний о Сергее Есенине.

Николай Асеев запомнил его слова: «Без славы ничего не добьешься. Хоть ты пополам разорвись — тебя не услышат...»

Сколько горечи в этих словах!

И как-то сразу меняется всё.

Эти слова как-то совершенно иначе выстраивают переполненную хулиганскими выходками и безудержными пьянками безалаберную жизнь Сергея Есенина.

И для чего? Для того, чтобы докричаться до своих сограждан — русских людей, сказать то, что русским людям необходимо услышать.

22 февраля 1987 года, Ленинград

ПОДОЖДИТЕ...

Звонил Анатолий Курчаткин: Анатолий Андреевич Ананьев в «Октябре» прочитал мой роман «Пригород».

— У нас еще советскую власть не отменили... — сказал он Курчаткину. — Подождите.

Анатолий рассказывал это, чтобы смягчить известие.

— Будем ждать! — сказал я и только потом сообразил, что сказал глупость.

Впрочем, ананьевское «Подождите!» — еще глупее.

3 марта 1987 года, Ленинград

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КЛАРЫ ЦЕТКИН

В Ленинграде приобрел популярность новый миф.

Дескать, 8 марта выбрано в качестве Международного женского дня потому, что это день рождения Клары Цеткин.

И вроде бы можно открыть справочник и убедиться, что родилась Clara Zetkin в 1857 году 5 июля, но миф обладает такой бесспорной убедительностью, что и энциклопедия опровергнуть его не в силах.

Моя жена Марина в этом году решительно отказалась отмечать день рождения Клары Цеткин.

Поэтому сегодня с утра красили с Мариной ванну.

Очень красиво получилось.

8 марта 1987 года, Ленинград

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Вступил в силу закон об индивидуальной трудовой деятельности.

Об этом и разговор в электричке.

Сосед нахвалиться законом не может. Оказывается, теперь и кредит можно взять, и вообще столько разных льгот предусмотрено!

Но у нашей соседки по электричке указ энтузиазма не вызывает.

— Не получится никакого толка! — говорит она.

— У начальства нашего одна рука пишет, чего голова не ведает.

— Ну что вы так? — заступаюсь за наше правительство. — Чего уж так сразу? Вы подождите... Там видно будет!

— А мне и ждать нечего... — отрезала соседка. — Я и так уже всё вижу. Вчера самогонку варить запретили¹, а сегодня, пожалуйста, занимайся индивидуальной трудовой деятельностью. Было у них о трудящихся думано или нет?

1 мая 1987 года, Ленинград

РУССКОЕ ДЕЛО

Пригласили выступить на конференции «Советская историческая проза. Валентин Пикуль».

Организовывала конференцию то ли Элида Михайловна Дубровина, то ли Пушкинский дом, то ли общество «Память», но организация была весьма своеобразной.

¹ 29 апреля 1987 года издан Указ «Об ответственности за самогонование».

Не дошел я еще до 1-го Медицинского института, в помещении которого и проводилось мероприятие, как увидел молодого человека, чем-то похожего на народовольца-бомбиста из фильмов.

Пристально посмотрев на меня, молодой человек спросил шёпотом:

– Вы на конференцию?..

– На конференцию... – тоже шепотом ответил я.

– Вам сюда! – шепотом сказал молодой человек и указал дорогу в обход главного корпуса института.

– А дальше куда?

– Там покажут!

Так, передаваемый из рук в руки, извилистыми коридорами пробрался я в аудиторию, где и проходила конференция.

23 человека собрались здесь, включая и меня. Пятеро из них – доктора филологических наук, профессора А.И.Филатова, А.И.Хватов, Н.А.Грознова, доктор медицинских наук Ф.А.Морохов, кандидат филологических наук Д.Н. Авров и я – оказались докладчиками, остальные – слушателями.

Конечно, если бы подошли похожие на народовольцев-бомбистов ребята, аудитория бы заполнилась, но сделать это было нельзя.

Как объяснила Элида Михайловна, охрана необходима.

Русское дело превыше всего.

25 мая 1987 года, Ленинград

ЗАКОНЫ

Принят Закон СССР «О государственном предприятии», предусматривающий выборность директоров, хозрасчет и самофинансирование.

Приняты законы «О всенародном обсуждении важных вопросов государственной жизни», «О порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан».

Законы, конечно, революционные, изменяющие всё... Правда, их так много, что и не сообразить, как пользоваться ими.

Закончил пьесу «Аввакум».

Снова начал ковыряться в «Гавдарее».

2 июля 1987 года, Ленинград

ЧТО НАДО ЗАПОМИНАТЬ В НАШЕМ ВРЕМЕНИ?

– Потомки нас не простят, если мы не запомним для них наше время...

Эти слова я услышал от Бориса Морозова, с которым выпивал сегодня.

Борис работает в обкоме КПСС и, в принципе, знает, что говорит или думает, что знает, он видит что-то впереди, чего не видят другие, или опять же думает, что видит это...

Но суть не в дополнительной информации, а в пафосе...

Мне, например, совершенно непонятно, что нужно запоминать для потомков в нашем времени?

Конечно, можно сказать, что я не очень-то уютно чувствую себя сейчас, потому что для меня перемены запоздали лет на пять-семь, и я, как и Борис, так сказать, представитель потеряннoгo для перестройки поколения...

Но разве в поколении нынешних тридцатилетних иначе? Разве они понимают, что нужно запоминать для потомков в нашем времени?

5 июля 1987 года, Ленинград

РАЗГОВОР В СМОЛЬНОМ

В обкомовской кассе в Смольном, куда привёл меня Борис Морозов, завершилась другая моя эпопея с добыванием билетов на самолет до Симферополя.

Здесь же возле кассы и рассказал я Морозову, что надумал за ночь о поколениях...

Вот, например, мой отец...

Конечно, он воевал и уже этим отличается от нас.

Но ведь и в мирное время его поведение было совершенно не схожим с нашим.

В 1949 году отец пустил жить к нам тетушку с бабушкой и двумя дочерьми, хотя и наша семья насчитывала уже пять человек. В результате несколько лет мы жили вдвeятeром в двух комнатах.

А я? Пустил бы я сестру с ее семьей к себе?

А она меня?

Может быть, и пустили бы, но жить-то вместе мы бы точно не смогли. А отец мог...

В этом и заключается разница между поколениями людей, прошедших войну, и поколениями людей, родившихся и выросших после войны...

Борис выслушал меня, а потом спросил, к чему я веду этот разговор?

— Ну как же! — сказал я. — Ты же сам говорил вчера, что потомки нас не простят, если мы не вспомним для них наше время... А мне не очень-то и понятно, что нужно запоминать для потомков в нашем времени? Вот я и пытаюсь понять...

— Я действительно так говорил?! — Борис покачал головой. — Да, выпил, наверное, вот и говорил... Ты извини... Мне делами надо идти заниматься...

И он ушел, растворился в глубине смольнинского коридора.

6 июля 1987 года, Ленинград

ЕЛЬЦИН В ТРАМВАЕ

Постановления: «Об основных направлениях перестройки системы ценообразования в условиях нового хозяйственного механизма», «О совершенствовании системы банков в стране и усилении их воздействия на повышение эффективности экономики», «О совершенствовании деятельности республиканских органов управления», «О мерах по коренному улучшению дела статистики в стране»...

И параллельно с ними, как иллюстрация, «борьба» с привилегиями, развернутая первым секретарем МГК КПСС Борисом Николаевичем Ельциным.

Сопровождаемый журналистами, он проехал на трамвае и побывал в районной поликлинике.

И в трамвае, и в районной поликлинике Борис Николаевич держался примерно так же, как держится человек, впервые попавший на подводную лодку.

17 июля 1987 года, Ленинград

СТРАХ

Жутковато и нестерпимо страшно по ночам...

Опустошающий, изматывающий страх смерти, страх могильной земли.

Этот страх, собственно говоря, и не исчезает никуда, просто забывается в дневной суете...

Но порою, как сейчас, страх обостряется, становится животным.

Катализатором его становится ложь.

Слушаешь «Голоса» и оторваться не можешь, так завораживает эта мастерская ложь, только на душе всё тоскливее, всё сильнее изматывающий страх.

Ложь — непобедима, жизнь — бесполезна.

Спасение, кажется, только в ёрничанье, дескать, всем так же плохо, или будет так же плохо, как и тебе.

Мне бы поверить в Бога, то есть верить-то в Него я верил всегда, но вот бы еще ощутить силу веры, которая и помогла бы справиться с изматывающим страхом, что копится и копится внутри...

18 июля 1987 года, Ленинград

ЮЛИАН СЕМЕНОВ

Уже почти десять месяцев я заведую отделом прозы в «Неве».

Отношения с Борисом Николаевичем Никольским достаточно хорошие, он не давит, не занимается мелочной опекой, достаточно спокойно относится к моим частым отъездам. Правда, и тогда, когда я беру отпуск за свой счет, без редакционной работы меня всё равно не оставляют.

Вот и здесь, в Ялте, мне пришлось работать с Юлианом Семеновым и снимать вопросы по публикации его «Версии-4» в нашем журнале.

Эта повесть пришла в журнал, минуя отдел прозы, и Никольский сам и собирался готовить её, однако, когда выяснилось, что я поеду в Ялту, подключил и меня.

Я повесть прочитал. Хотя и чувствовался нехороший душок, но сама фактура была интересной. Тем не менее многие факты требовали документального подтверждения.

И прежде всего это касалось рассказа о Константине Симонове, который, услышав от Юлиана Семенова, что в комментариях к собранию сочинений Владимира Маяковского оскорбляется память Лили Брик, добился через Л.И.Брежнева запрещения цензурой этого тома собрания сочинений.

— Поэтому я и хотел попросить вас в Ялте встретиться с Семеновым и снять спорные моменты или добиться документальных подтверждений их, — сказал Б.Н.Никольский, выслушав меня.

И вот Юлиан Семенов приехал ко мне в Дом творчества.

Мы сидели на балконе в моем номере, пили кофе и снимали вопросы по его «Версии-4».

— Вы пишете, что цензура по ходатайству Константина Симонова запретила к выходу этот том Маяковского... — сказал я. — Наверное, этот эпизод снять надо?

— А почему? — спросил Семенов, насыпая в

чашку растворимый кофе прямо из банки. — Что вас здесь не устраивает?

— Мы же не можем без документального подтверждения напечатать такое...

— А какое подтверждение нужно?

— Ну, я понимаю, Юлиан Семенович, что в цензуре справку не взять, но хотя бы ссылка на какой-то источник должна быть...

— А вот этот документ, Николай Михайлович, вас устроит? — спросил Семенов и вытащил откуда-то из своих необъятных шорт том Маяковского, на котором красовался жирный штамп «Запрещено цензурой».

Открыв книгу, я убедился, что текст комментариев, запрещенных цензурой, соответствовал текстам, приведенным в повести. Впрочем, проверку эту я делал совершенно машинально. Книга, украшенная штампом «Запрещено цензурой», потрясла меня.

Я не раз сталкивался в Ленинграде еще в бытность работы редактором в «Советском писателе» с цензорами, и мне всегда казалось, что такие документы должны храниться в каких-то секретных хранилищах, а отнюдь не в шортах Юлиана Семеновича.

Это потрясение и заслонило прочие впечатления от встречи. Даже то, что Юлиан Семенович съел за два часа нашей работы двухсотграммовую банку растворимого кофе, не удивляло.

И только когда он ушел, я сообразил, что еще поразительней другое.

Почему это Юлиан Семенович столь предусмотрительно захватил именно этот том Маяковского?

Да, просто диву даешься, в какой редакции я работаю...

26 июля 1987 года, Ялта

УКРАИНСКИЙ ВЕЧЕР

Возвращались из Ялты в вагоне «СВ».

Очень весело ехать по Украине.

Вот промелькнул на огородном пугале, стоящем посреди бахчи, мундир с выцветшими под дождями и жарким солнцем ефрейторскими лычками.

Тихий украинский вечер.

Вдоль железной дороги стоят подсолнухи, как солдаты в строю, смотрят на наш поезд, заслонивший от них солнце.

11 августа 1987 года, Украина

СЛОВО В ЗАЩИТУ ЗАВИСТИ

Зависть помогает не бояться смерти.

Завидуя знакомым, близким, вступаешь в соревнование с ними за жизненные успехи, в гонку за приобретение различных благ и почестей и как-то забываешь о неизбежности смерти.

Жизнь кажется бесконечной, и так легко, так интересно улучшать ее, чтобы она была лучше, чем у других.

Ну, а когда отступает от тебя зависть, вспоминаешь о смерти, и сразу несущественным становится почти всё, что ты делаешь, к чему стремишься.

Зачем тогда, спрашивается, жить?

20 августа 1987 года, Ленинград

ДЕСЯТКА

Прошлым летом был один разговор.

Случайный и как бы бесследный.

Мы сидели у Виктора М. в Вознесенье, и вдруг Виталик, зять его, сказал, что у них на работе тоже собирали по десятке в фонд Чернобыля. А он не дал.

Ну не дал так не дал... Твое дело.

В альтруизме Виталика никто и никогда не обвинял.

Выпили еще по рюмке, заговорили уже о другом, но Виталик снова вдруг повторил: «А я не дал!»

Упрямо и как-то даже настырно повторил.

И не то чтобы неловко стало, но непонятно, как себя дальше вести?

Возмущаться — чего компанию ломать? — не хотелось, а главное, непонятно было, чего сам-то Виталик добивается, возвращая разговор к этой шекотливой теме.

Похоже, что свой поступок Виталик рассматривал как своеобразное обозначение позиции, почти как акт гражданского мужества.

Действительно, хотя и жалко ему десятку было, но раньше едва ли он решился бы на такое. Не дашь десятку, себе же дороже обойдется...

А сейчас можно. Во всяком случае, рискнуть можно.

И он рискнул...

Взошел таким Джордано Бруно на костёр общественного осуждения. Но ничего ему за это не сделали, не было никакого костра, не потребовалось защищать свое право никому и никогда не помогать.

Нереализованной оказалась готовность встать на защиту.

И вот сейчас она прорвалась в этом упрямо повторяемом «А я не дал!».

Но опять ничего не получилось у него. Замолчали мы.

Неловко стало и как-то очень гадко...

22 августа 1987 года, Ленинград

ОБОЙМА

Утром разбудил звонок.

— Читал интервью в «Советской России»? Там и про тебя есть!

Встал, сходил в киоск и купил газету.

Действительно, в газете напечатано интервью секретаря Ленинградского обкома КПСС «Учимся демократии», где говорится и про меня.

« — Ленинградская культура богата именами выдающихся деятелей. Достаточно назвать имена Лихачева, Товстоногова, Гранина, Аникушина, Мравинского, Лебедева... А кто придет им на смену? Насколько широка в целом социальная база демократии в области искусства? Как она развивается?

— Могу выстроить вам целый ряд имен ипоможе — Гаврилин, Герман, Сокуров, Темирканов... Формируется и следующий, еще более молодой отряд — скрипач Сергей Стадлер, писатели Евгений Гуинов и Николай Коняев... Но не хочу, чтобы меня поняли так, что у нас с молодой сменой, как говорят функционеры, «нет проблем!». Есть они и в области искусства, например, театральной режиссуре, поэзии... Здесь то ли действительно нет ярких дарований, то ли, что более вероятно, мы их еще не разглядели. Вспомните Николая Рубцова, пришедшего к широкому читателю после смерти...

Да, с социальной базой демократии дело непростое. Среди без малого двух тысяч членов Ленинградского отделения Союза художников едва ли полтора десятка — в возрасте до 30 лет. А средний возраст писательской организации, увы, 60 лет. Как-то недавно М. Аникушин и А. Мыльников рассказали мне, что были приняты в союз по дипломным работам. Думаю, что любому сегодняшнему выпускнику института им. Репина этот рассказ покажется фантастикой. И одной из причин возникновения таких объединений, как «Товарищество экспериментального изобразительно-

го искусства», «Рок-клуб», литературный «Клуб-81», как раз и был, на мой взгляд, недостаток демократизма в деятельности творческих союзов. Теперь пытаемся наверстать упущенное...»

Не успел дочитать интервью, как раздался звонок.

— Поздравляю...

— С чем?

— Ну как же! В обойму попал...

Насчет обоймы верно сказано. Теперь только понять надо, стреляет ли еще пистолет, для которого зарядили ее.

29 августа 1987 года, Ленинград

ПРОЗРЕНИЕ

Идет подписная кампания.

Наша бригада (я, Лев Куклин и Владимир Рекшан) поехали в Новгород и Боровичи.

Лев Куклин на выступлениях читал свои стихи, Рекшан делился воспоминаниями о рок-музыкальной молодости, я рассказывал о журнале «Нева», о готовящихся у нас публикациях...

В Новгороде выступления прошли хорошо, хотя мы и вымотались изрядно, переезжая — бюро пропаганды постаралось! — с одного предприятия на другое.

А вот в Боровичах дело не заладилось.

В Боровичи мы приехали в первом часу ночи, и встретивший нас мужчина сказал, что первый концерт — в восемь часов утра.

Некогда было объяснять, что мы не артисты, а писатели, договорились, что к семи часам будем наготове. Когда за нами приедут, пусть позвонят, и мы сразу спустимся из номеров.

Встали мы в шесть часов, позавтракали в буфете, сидим у себя в номерах, ждем, как и договаривались, когда ехать.

Но так и не пришли за нами.

Оказывается, организатора выступления никто не предупредил, что надо позвонить нам, она поехала внизу минут десять и уехала.

Ну, дело обычное, бывают и не такие накладки в поездках.

Всё бы обошлось, если бы дамочка из отдела культуры, ответственная за организацию наших выступлений (это она и должна была встречать нас вчера ночью), не покатила на нас бочку, дескать, почему мы не спустились вниз.

Объяснять, что в цейтноте, жалко терять драгоценные минуты на ожидание в вестибюле и поэтому мы и договорились, что будем ждать у себя в номерах наготове, было бесполезно. Дамочка оказалась не только ленивой, но и стервозной.

Слово за слово разругались мы в пух и прах.

Но коли уж идти на принцип, то что ж...

Мы потребовали, чтобы нам оплатили и не состоявшееся по вине организаторов выступление.

Организаторша отказалась. Мы тогда отказались вообще выступить.

Доехали на автобусе до Окуловки и там сели на поезд на Ленинград...

Боровичи мы так и не посмотрели. Только по дороге на автовокзал зашли в промтоварный магазин, где приобрели по совету Льва Валериановича Куклина масляные обогреватели, а сам город практически и не видели.

И как-то взгрустнулось, что погорячились...

Я, как старший группы, посчитал нужным утешить своих спутников, рассказал, что здесь в Боровичах вырос муж моей двоюродной сестры Виктор Мочалов и он много рассказывал про свою родину, ничего примечательного тут нет, ни церквей интересных, ни памятников — обыкновенный городишко...

— Не-е... — вмешалась в разговор сидевшая в нашем купе женщина. — У нас и святой свой есть... Праведный Иаков Боровичский...

— А кто это? — спросил я. — Чем он известен?

— Да никто про него ничего не знает... — вздохнула женщина. — На льдине его к нам принесло... А святой он необыкновенный! Многие люди по молитвам к нему от слепоты излечиваются...

27 сентября 1987 года, Окуловка — Ленинград

АНАСТАСИЯ ЦВЕТАЕВА

Вот и текущий отпуск подошел.

Живу в Голицыно.

Сухая, холодная осень. За окнами только на кустах багряно-тяжелые листья, а березы все облетели, и, когда, не зажигая свет, смотришь на них, кажется, что это белые руки тянутся в черное небо. Красиво и немного страшно.

Но в лесу еще хорошо. Сухо и пусто.

Здесь, в Голицыно, очень тихо.

В столовой, за столиком напротив меня, разместилась ветхая старушка Анастасия Цветаева со

своей подругой, такой же старушкой, но не ветхой, а какой-то прозрачно-старой.

Иногда они ссорятся и стараются при этом говорить тихо, но поскольку ничего не слышат, то кричат на всю столовую.

— Тебе показалось, милочка! Обед сейчас.

— Ты ошибаешься, дорогая... Я знаю, что сегодня мы первый раз за обедом. Значит, дорогая, сейчас завтрак!

Разумеется, можно было бы спросить, что сейчас — обед или завтрак, но старушки живут сами с собой, никого не касаются и все принципиальные споры решают внутри своей компании.

16 октября 1987 года, Голицыно

СОН ПРО МЕДВЕДЯ

Видел во сне мать и отца.

Сон жутковатый.

Сталинский концлагерь. Мать в нём — заключенная, а я (как-то удалось скрыть родство) какой-то начальник. И я, конечно, помогаю матери, тем паче что товарки по заключению шпыняют ее, больную, бедную. Но я помогаю, хотя и немного, потому что могу помогать только незаметно. Сегодня я иду помогать матери заготовить дрова...

И тут действие смещается в наш вознесенский двор.

Я вытаскиваю из сарая бензопилу «Дружба».

Отец помогает мне.

Но бензина нет.

Я спешу. Я сержусь.

Наконец отец уходит в сарай и выносит мертвого медведя. Волочить его по земле почему-то нельзя, и отец несет медведя на руках, прижимая его к груди. Отцу тяжело, и я бросаюсь помочь ему. Я беру медведя, а отец ищет нож, надо выпустить кровь из зверя — это и будет топливом для бензопилы «Дружба».

Сон сумасшедший, шизофренический.

Запомнилась даже свалывшаяся медвежья шерсть, к которой мне приходилось прижиматься лицом, удерживая на весу медведя.

17 октября 1987 года, Голицыно

В ТУМАНЕ

Такой густой туман опустился на улицы Голицыно, что старушка Цветаева решительно отка-

залась выходить на улицу после завтрака, чтобы не потеряться.

— Мы далеко не пойдем... — уговаривала её подруга. — Тут и постоим.

— Некогда стоять... — отвечала Анастасия Ивановна. — Пошли в номер.

Я ездил в Москву.

В редакции «Студенческого меридиана» показал Юрию Ростовцеву написанный в Голицыно рассказ «Поминки». Он сразу прочитал его, восхитился и сказал, что немедленно ставит рассказ в номер.

21 октября 1987 года, Голицыно

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

В журнале «Москва» объявлено о публикации «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина.

Я позвонил Марине, но она уже слышала про новость и уже успела оформить подписку.

На Пленуме ЦК КПСС Б.Н. Ельцин обвинил Е.К. Лигачева и М.С. Горбачева в том, что они произносят слова: гласность, перестройка, плюрализм, а на деле ничего не делают для того, чтобы от лозунгов перейти к делам.

Пленум не поддержал Ельцина. Тов. А.Н.Яковлев заявил, что у 1-го секретаря МГК произошел «мелкобуржуазный выброс настроений», в котором проявился «глубокий консерватизм».

Иосифу Бродскому присуждена Нобелевская премия по литературе.

22 октября 1987 года, Голицыно

ШЕВЕЛЯЩАЯСЯ ЗЕМЛЯ

Сегодня сразу после завтрака собрал вещи и уехал из Голицыно, чтобы встретиться перед отъездом в Ленинград с однокурсниками.

Ехать мы решили в Переделкино, где наш однокурсник Юрий Алехин, будучи сотрудником музея литературы, пытается устроить музей на даче Б.Л. Пастернака.

В Переделкино ясный холодный день, пустое вспаханное поле.

Облетевший пустой лес, сквозь который проблескивают вспышками солнечного света купола церкви за кладбищем.

Пустая, за старыми соснами, дача Пастернака.

Вышел навстречу Юра Алехин. С бородой, с поумневшими глазами...

— Раньше-то, бывало, сам Борис Леонидович выходил встречать... — протягивая руку, сказал он.

— Но теперь я его замещаю.

Вот такой юморок.

Ну и дальше всё в том же духе... Кто с кем при Пастернаке в Переделкино не здоровался, кто кого закладывал...

И как-то так разговор о переделкинской жизни потек, словно не полстолетия назад это было, а совсем недавно...

Потом Алехин провел нас по пустой даче, показывая фотографии. Вот Пастернак в сапогах с чем-то похожим на лопату... Вот он кормит ворону...

И снова разговоры.

Юра Алехин почти мой сверстник, и как-то он аккумулирует в себе судьбу нашего поколения...

В прошлом он — офицер-десантник, но из армии — неудачный парашютный прыжок — пришлось уйти. В институт Юра пришел со стихами: «Мой автомат ка-сорок Был зорок», и с какими-то, смахивающими на устав строевой подготовки, прямолинейно четкими представлениями о литературе.

Теперь он директор несуществующего музея. Ну а когда тут действительно музей удастся наладить — ему придется уйти. Слишком много претендентов.

Посидев на даче, пошли на кладбище. Долго искали и так и не нашли могилу Пастернака.

Зашли в церковь, купили по значку «Тысячелетие Крещения Руси», я поставил, смущаясь, как всегда, свечи за отца, за мать...

Ехал в Москву, а потом в Ленинград и думал под стук вагонных колес, а где та ворона, которую кормил Пастернак? Не она ли так громко каркала в пустых деревьях, когда мы выходили из церкви.

И еще вспоминал, как страшно шевелилась земля на кладбище...

Это под опавшими листьями бегали, устраиваясь к холодам, мыши...

1 ноября 1987 года, Москва

ИМИДЖ

Освобожденного от поста первого секретаря МГК КПСС Бориса Николаевича Ельцина назначили первым заместителем председателя Госстроя СССР.

— Вот ведь, — горевала в трамвае старушка. — Вот чего с человеком творят!

— А чего творят? — пытались урезонить ее. — Не в тюрьму же посадили!

— А вам сразу тюрьму надо?! — закричала старушка. — Как при Сталине?!

И так закричала, что отшатнулись от нее урезонщики.

— Чего это с ней? — спросила Марина.

— Имидж, видно, случился с ней... — сострил я.

— У Бориса Николаевича такой имидж борца с партаппаратом... Вот и корежит бабушку!

20 ноября 1987 года, Ленинград

ПЕСНИ НЕ НАШЕГО КРАЯ

С утра все собрались в кабинете Бориса Николаевича Никольского.

Повод — скандал с повестью Григория Медведева. Оказывается, министерские штампы, которые были поставлены на рукописи его «Энергоблока», — фальшивые.

Через каждые полчаса звонит сам Медведев.

То ли перевозбужден, то ли пьян. Хотя, может быть, и то и другое вместе.

Повести у Медведева, конечно, очень сильные, а материал в них — такого ни у кого нет.

Жалко, что штампы фальшивые...

Вообще, всё весьма загадочно, почти как в его повести.

Нет телефона, по которому его можно отыскать. Не сходятся концы с концами и в его информации о месте работы. Скорее всего он на пенсии, хотя и молод для этого. Но он же атомщик. У него и вид такой, как у его героев, облучившихся на реакторах. Лицо, словно из оплывшего воска...

Но с фальшивым штампом придумали в цензуре.

Не фальшивомонетчик же он.

Другое дело, что он, видимо, вхож в такие кабинеты, где можно поставить любой штамп.

Тут мне припомнился том Маяковского, который извлёк в Ялте из своих шорт Юлиан Семенович Семёнов.

Там тоже не слабый штамп стоял.

Ну, а штамп, поставленный Медведевым на титульном листе повести, в духе времени, когда вроде и сказать ничего нельзя, но зато спокойно можно завладеть самым главным штампом, разрешающим говорить что угодно.

Как это сказал поэт?

Это песни не нашего края...

Да, это настоящий московский раскрут.

Игра тут ва-банк.

Хотя Медведев и талантлив очень, но повести его должны быть напечатаны сейчас. Сейчас бы они ему, без сомнения, сделали имя, а через несколько лет?

Не знаю...

1 декабря 1987 года, Ленинград

ХЛЕБ ПОД ГОРОДСКИМИ ОКНАМИ

Несколько дней работал на киностудии — писал дикторский текст к кинофильму «СССР в послевоенные годы». Всё такое родное, болтовня, монтажный столик, и как-то успокаивает это...

Режиссер у меня — Наташа Лапшина.

Сама она городская, но окончила сельхозакадемию и уехала в деревню. Работала там и одеревенела. Теперь вернулась в город, но деревенское не растеряла в себе.

Сегодня рассказала, что живет в современном доме, где соседи с балконов всё время кидают вниз мусор.

— А я хлеб посеяла под окнами...

— Зачем?!

— Ну, чтобы не кидали мусор... Ведь в хлеб кидать не будут...

— И не кидают?!

— Нет... Кидают, как и раньше...

23 декабря 1987 года, Ленинград

ДИСГАРМОНИЯ

Вот и подходит к концу год...

Как-то стремительно пролетает время. Под завязку наполнено оно делами, работой, хлопотами, иногда творчеством, но раньше месяц ожидания казался безумно долгим, а сейчас, кажется, и не заметил, как пролетел год.

И все равно...

Я как-то ужасно нетерпелив. Вроде и продумаешь всё, завяжешь все узелки, но, чтобы дождаться результата, не хватает терпения. Так и бросишь всё придуманное, заплетенное...

Хотя, может быть, тут и не во мне причина.

Может быть, это из-за дисгармонии с изуродованным течением времени...

26 декабря 1987 года, Ленинград

НЕПОДЪЕМНЫЕ ВЕЩИ

В нашем времени много от ожесточения, которое охватывает человека, когда он, например, перетаскивает неподъемный, не проходящий в двери комнаты диван или шкаф, когда ему не хватает сил и, забывая об интеллигентности и мягкости, матерясь, впихивает человек, вбивает и каким-то чудом перетаскивает вещь в комнату...

Мы сейчас так и живем.

В нашей жизни вообще много таких неподъемных вещей.

29 декабря 1987 года, Ленинград

РУССКОЕ ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ**ГОД БЕЛОЙ ЛОШАДИ**

Новый год встречали дома.

Работал телевизор.

— Позади особый год в жизни страны, я бы сказал, самый трудный год начатой в апреле 1985 года перестройки... — оживленно жестикулируя, бубнил с экрана Горбачев. — В уходящем году были посеяны зерна, которые, можно не сомневаться, принесут всходы...

За столом, хотя и немного еще выпили, никто и не слушал его. И напрасно заискивающе улыбался Горбачев, впусую рассказывал он про грядущие всходы...

Я сказал, что в минувшем году жизнь как бы сместилась на пресс-конференции, на разные заседания, а сама страна словно и не участвует в этой жизни, она вне того, что решают за неё в Москве... Что же, спрашивается, будет теперь с нашей страной?

— А что будет? — ответили мне. — Что решат, то и будет.

Потом кто-то сказал, что наступающий год — год белой лошади.

Ну да... Говорят, если во сне лошадь видеть — это ко лжи.

1 января 1988 года, Ленинград

НОВОГОДНЯЯ МЫСЛЬ

Заснул днем с невыключенным телевизором, и всё смешалось во сне.

И то, что наступивший год — Год тысячелетия Крещения Руси.

И сообщение Госкомстата, известившего, что

численность населения СССР приближается к 284 миллионам человек.

Но самое главное — возникшая откуда-то изнутри мысль: «Мы слишком мало живем, чтобы говорить неправду...»

Когда просыпался, мысль казалась ошеломительно новой.

Но посидел, просыпаясь окончательно, и подумал, а стоило ли просыпаться ради этого?

2 января 1988 года, Ленинград

ТЕАТР МОД

Вышел указ, ограничивающий возможность использовать психиатрию для удаления из общественной жизни нежелательных лиц.

Восстановлено прежнее название Набережных Челнов, переименованных в город Брежнев.

На работе принесли билеты в театр мод.

Зачем это нужно, я не понял, но мне сказали, что это большая удача — достать такое.

Ходили с Мариной.

Когда возвращались, я сказал, что не понимаю, где тут театр?

Марина сказала, что не понимает, где тут мода?

6 января 1988 года, Ленинград

ЮБИЛЕЙ ВЫСОЦКОГО

Владимир Высоцкий родился в 38-м году, когда по всей стране шли аресты.

Высоцкому было двадцать с небольшим, когда с трибуны съезда КПСС сказали: «Через двадцать лет советский народ будет жить при коммунизме».

Наверное, и Высоцкому тогда хотелось верить в это...

Но коммунизм так и не наступил.

Через двадцать лет в Москве проходили Олимпийские игры, через двадцать лет в Москве хоронили Владимира Высоцкого...

Отчего он умер?

От наркотиков?

Или от жаркого позора того лета?

27 января 1988 года, Ленинград

СРУБЛЕННАЯ БЕРЕЗА

Прекращено хождение чеков Внешпосылторга, закрыты магазины «Березка».

Марина горюет, что так и не успела отоварить чеки, полученные за издание в ГДР моей книжки.

Я ее утешаю и напеваю, чтобы развлечь, песенку:

*И белую березу
Отец срубил по пьянке на дрова!*

— Не березу... — говорит Марина. — Рябину.
— Не «Рябинку» же закрыли, — возражаю я. —
«Березку»!

28 января 1988 года, Ленинград

В САРАЕ

Заходил Виктор Самохвалов.
Сидел и рассказывал о токсикоманах, с которыми ему приходится сейчас работать в клинике.
А только ушел, я сел и как-то сразу написал рассказ «В сарае».
Прочитал его Виктору по телефону, чтобы он сказал, нет ли неточностей.
— В-все правильно... — сказал Виктор. — А главное, я сам сейчас стал лучше понимать их!

1 февраля 1988 года, Ленинград

ЦЕНА РАЗГОВОРА

Вчера весь вечер проговорили с Сашей Большаковым и Толей Степановым о том, что при посадке в Сургуте потерпел аварию Ту-134, что М.С. Горбачев начал выводить из ГДР и Чехословакии наши ракеты, что в Нагорном Карабахе, где облсовет объявил о желании перейти в Армению, начинается что-то непонятное и страшное.

Две бутылки под этот разговор осилили, а сегодня пришел с работы, и жена объявляет, дескать, приходил агент по страхованию и она застраховала квартиру на три года.

— И сколько это обошлось нам?

— Сорок рублей всего...

Н-да...

Прилично мы вчера наговорили.

9 марта 1988 года, Ленинград

ПАНИКА

Три дня назад в «Советской России» опубликовали объемистую — на всю полосу! — статью Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами».

Какая-то неподвижная тишина повисла в нашей редакции.

Сегодня зашел ко мне в кабинет Саша Большаков и, оглядываясь на дверь, прошептал, что будто бы на заседании Секретариата ЦК КПСС

Егор Лигачев заявил, что статья Нины Андреевой интересная и редакторам газет надо обратить внимание на нее.

Заходил к Никольскому.

Борис Николаевич тоже в состоянии легкой паники.

16 марта 1988 года, Ленинград

СТРАСТНАЯ НЕДЕЛЯ

Еще во вторник в «Правде» опубликовали статью Александра Яковлева «Принципы перестройки» — ответ на письмо Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами».

«Сталин, — утверждалось в статье, — не только знал об актах беззакония, но и организовывал их, дирижировал ими».

Газеты сразу как будто прорвало.

К Пасхе имя Нины Андреевой стало нарицательным, а ее письмо было объявлено «Манифестом антиперестроечных сил».

Армении отказано в передаче Нагорного Карабаха.

11 апреля 1988 года, Ленинград

СМЕРТЬ В ВЕСЕННЕМ ЛЕСУ

Сегодня позвонил Толя Стерликов и сказал, что повесился Виктор Перепёлка.

Перепёлку я почти не знал.

Когда-то, очень давно, опубликовал рецензию в «Звезде» на его книгу «Ласточки над городом». Потом Перепёлка приходил ко мне в «Неву», приносил рассказ, который мы до сих пор так и не опубликовали.

Но я не об этом...

Виктор Перепёлка повесился после того партсобрания, на котором громили письмо Нины Андреевой, пойти на которое я не смог заставить себя.

Перепёлка пошел.

Перед смертью он написал записку: «Главную книгу я так и не смог написать...»

Потом ушел в лес и повесился на дереве.

Фамилия, название книги, смерть... Всё птичье.

И что-то очень древнее, славянское, еще из дохристианских времен есть в этом. Умереть, задохнуться в петле в весеннем, наполненном птичьими голосами лесу...

Ну а если без красот, то что ж? Человек задохнулся от перестройки...

Я тоже накануне партсобрания ощущал удушье. Поэтому и не пошел.

6 мая 1988 года, Ленинград

РАЗГОВОР В ВАРШАВЕ О МОСКОВСКИХ ПОГРОМАХ

Приехали вчера в Варшаву. Поселились у Люды Стаковской, которая и пригласила нас в Польшу.

Сегодня, впервые в Варшаве, проснулся от птичьих голосов.

В Москве открылись праздничные заседания Поместного Собора Русской Православной Церкви, посвященные 1000-летию Крещения Руси.

Ну а здесь Барбара привела нас в какую-то странную компанию.

Тут и латиноамериканские дипломаты, и польские художники, и актёр московского Театра на Таганке Вениамин Смехов, и другие наши соотечественники нерусской внешности...

Говорили о Дуде Граче, листали его альбомы.

Потом соотечественники начали рассказывать о приближении еврейских погромов в Москве.

Все ахали от непритворного ужаса, и когда я, как всегда невпопад, спросил, а какие конкретные признаки указывают на приближение погромов, на меня посмотрели как на погромщика.

Ситуацию спасла Барбара, которая утащила меня в соседнюю комнату, где сидели поляки и пили водку.

Мне тоже налили.

Я пить не стал, но за стол сел. Всё-таки это интереснее, чем о погромах в Москве слушать.

И вот ведь, получилось, мужчина, рядом с которым я сел, тоже оказался не поляком, а соотечественником.

— Вы о признаках погромов спрашивали... — сказал он. — А разве «Память» — это не погромщики?

— А кого они громили? — вопросом на вопрос ответил я. — Их даже Ельцин привечал, когда еще первым секретарем МГК был...

Собеседник мой покачал головой.

— Вы разве не знаете, что недавно на собрании актива в Донском монастыре Д.Д. Васильев объявил о преобразовании объединения «Память» в Национально-патриотический фронт? — спросил он. — Они, между прочим, и идеологию сменили. Отходят от национал-большевизма в сторону православия и монархии! В настоящих черносотенцев превращаются!

Я не знал ничего о собрании актива «Памяти» в Донском монастыре...

Не знал и о смене идеологии ...

Даже досадно стало, что только здесь, в Варшаве, и узнал об этом. Махом осушил свой стакан.

Водка была польская, теплая и вонючая...

4 июня 1988 года, Варшава

ЗУБЫ ПЕПЕЛЮШКИ

В западных областях Белоруссии и тридцать лет спустя после присоединения их к Белоруссии и отсоединения от Польши можно было услышать поговорку: «Усе ест, як в Польшце...»

В Польше действительно было всё.

Цветочные базары в Варшаве и хмурые от ярости митинги в Гданьске. Зябнувший на ветру памятник Шопену и солдаты с автоматами, стоящие у дверей советского посольства.

А по улицам Варшавы ходили дамы с короткохвостыми черно-каракулевыми собачками и эти же короткохвостые черно-каракулевые собачки, только уже без дам.

На рынке Ружицкого в Варшаве тоже была Польша, и продавали здесь турецкие варёнки и русскую икру, модную обувь и старинные книги, японскую электронику и канадские доллары, новые автомашины и поломанные зажигалки.

В одном из закоулков рынка я наткнулся на поляка с трехгранным носом.

Подобно нахохлившейся птице, сидел он над чемоданом, в котором лежали немецкие рыцарские кресты и бесхитростные звездочки советской «Славы», какие-то замысловатые пряжки и небольшие иконки, потемневшие от времени монеты и четыре пожелтевших зуба.

— Цо то ест? — спросил я.

— Пане, то зомб Пепелюшки... — хмуро ответил поляк.

— Зубы Пепелюшки?! Того ксендза, которого в вашем КГБ убили? — воскликнул я, вспоминая свое посещение могилы Пепелюшки. Там висели плакаты «Солидарности» и ходили хмурые поляки с повязками на руках. Еще запомнились прозрачные днём огоньки свечей и распятие на дереве...

Продавец объяснил снисходительно, что пан правильно всё уразумел, это именно те самые зубы, которые выбили Пепелюшке в польском КГБ.

— И яка ест цена? — осторожно спросил я. — Иле то коштуе?

— Еден зомб — шедом тысенцы... — ответил поляк.

Один зуб — семь тысяч злотых, на наши цены — пять рублей. Что ж... Не такая уж и большая цена за зуб тридцатисемилетнего ксендза, которого вот-вот должны были канонизировать и на могилу которого возили меня на экскурсию. Цена, можно сказать, вполне доступная любому католику.

Мне же оставалось только пожалеть, что я не католик, и уйти, но продавец с трехгранным носом остановил меня.

— Берите за пять тысяч! — предложил он.

Я покачал головой, и цена упала до одной «тысенцы».

Напрасно объяснял я, что мне нет смысла везти четыре зуба. Подарю их четырём знакомым, а остальные? Остальные обидятся, и только неприятности у меня будут... Лучше уж никому ничего не везти...

Кажется, довод мой убедил продавца. Он кивнул и снова нахохлился, как большая серая птица, но едва я сделал шаг от него, встрепенулся и заинтересовался: сколько пан имеет друзей, которым бы хотел сделать такой подарок?

— Сорок приятелей у меня! — ответил я, чтобы прекратить сразу все разговоры о возможности торговой сделки.

Взгляд продавца сделался задумчиво-голубым, а нос, похожий на разбухшую от воды трехгранную пирамиду, как-то синевато помутнел... Продавец таинственно поманил меня, и когда я наклонился, прошептал на ухо, дескать, это, конечно, трудно, но пускай пан погуляет по рынку полчаса, а потом вернется сюда, и тогда пан будет иметь сорок зубов — продавец взмахнул рукою, осеняя себя католическим крестом — Пепелюшки...

Я не решился возразить. Кивнул и зашагал прочь. Дойдя до поворота, оглянулся. Продавец закрывал свой чемоданчик, собираясь, видимо, отправиться на поиски недостающих тридцати шести зубов.

Я же поспешил уйти поскорее с рынка, думая о том, какие, однако, зубастые ксендзы боролись за счастье поляков.

6 июня 1988 года, Варшава

ЧЕГО НЕ РАССКАЗАЛ УЧИТЕЛЬ

В день перед отъездом — сухая гроза над Варшавой. Молнии, сверкающие где-то за фонарями в конце улицы.

Вообще, впечатления от поездки в Польшу тусклые.

Вся здешняя жизнь ориентирована на павексы, всё измеряется в «американских», как говорит Людин сын Витя, долларах.

— У вас лучше... — говорит Витя.

— Почему? — польщенно спрашиваю я.

— У вас, в России, видео раньше пять копеек стоило...

— С чего ты так решил?

— Так. Нам учитель рассказывал, что при царе у вас корова пять копеек стоила. А у нас она стоит столько же, сколько и видео...

— Так при царе, Витя, и видео не было...

— Да?! — Витя задумался. — А нам учитель про это чего-то не рассказывал.

8 июня 1988 года, Варшава

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РАЙ

Но вообще-то Витя совершенно прав...

Перед отъездом у нас оставались какие-то польские деньги, и я, собрав все эти купюры, показал их продавщице в киоске.

— Цо я моге купич за тэ пенендзы? — спросил я.

— О! — сказала продавщица. — Пан может купить бутэлька пива...

Она помолчала и добавила:

— Маленькай бутэлька!

А вот в СССР, когда наш поезд остановился в Гродно, мы выгребли оставшуюся в карманах советскую мелочь, и я закупил на эти копейки целый ворох продуктов в ларечке на перроне.

Ощущение было, будто мы вернулись в покинутый рай...

9 июня 1988 года, Варшава — Ленинград

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ СТРАНЫ

В Троице-Сергиевой лавре прошел Поместный Собор.

Канонизированы благоверный великий князь Димитрий Донской, преподобный Андрей Рублев, преподобный Максим Грек, святитель Макарий, митрополит Московский, преподобный Паисий Величковский, блаженная Ксения Петербургская, святитель Игнатий (Брянчани-

нов), преподобный Амвросий Оптинский, святитель Феофан Затворник.

В Киеве открыт памятник преподобному Нестору-летописцу.

А в День всех Святых, в земле Российской просиявших, состоялось торжественное богослужение в Даниловом монастыре. На литургии присутствовали пять патриархов.

И в этот же день на сцене Дворца спорта в Лужниках прошел финал конкурса «Московская красавица-88». Жюри под председательством Муслима Магомаева среди полураздетых московских красавиц выбрало победительницу. Ею стала Маша Калинина.

Так во взрывах составов с боеприпасами, в маршах полуголых красавиц по подиумам и проходит празднование самого главного юбилея нашей страны.

13 июня 1988 года, Варшава — Ленинград

В РУМЯНЦЕВСКОМ САДИКЕ

В редакции «Невы» только и разговоров, что о «Памяти».

Владимир Кавторин, как на работу, ходит в Румянцевский садик, не пропуская ни одного митинга.

Иногда он появляется и на работе и рассказывает разные ужасы.

Под впечатлением этих рассказов я тоже пошёл сегодня на митинг в Румянцевском садике.

Впечатление какое-то жалкое. Ораторам просто не давали говорить. Какие-то темные личности, которых организаторы митинга тщетно пытаются утихомирить, выкрикивали явно провокационные лозунги.

На следующий день в газетных отчетах эти лозунги оказались вложенными в уста организаторов митинга, которые пытались пресечь провокацию.

Наша пресса громит мифологическую «Память» и совершенно не обращает внимания на взрыв национализма в Прибалтике. А ведь это не у нас, а в Прибалтике слово «инородец» сбросило табу и вошло в официальные документы.

14 июня 1988 года, Ленинград

ВСТРЕЧА С ОСТРЕЧИНЦЕМ

Днем в редакцию зашел старик с клюкой.

Я сидел с Таней в приемной. Старик посмотрел на меня и сказал:

— Вы Коняев?

— Да... А мы знакомы?

— Нет! Но вы очень на своего папу похожи...

Старик оказался Александром Васильевичем Вакулиным. Он учился у отца в Остречинах, селе, еще до моего рождения ушедшем под воду Ивинского водохранилища.

Александр Васильевич посидел у меня в кабинете, выпил чашку чая.

Потом ушел, так и не сказав, зачем приходил.

29 июня 1988 года, Ленинград

ЗАКОН КООПЕРАЦИИ

Закончилась XIX партконференция.

— Нам нет смысла разрушать старый мир до основания... — говорил на этой конференции писатель Юрий Бондарев. — Нам не нужно, чтобы мы, разрушая свое прошлое, тем самым добивали свое будущее.

Однако М.С.Горбачев, вопреки этим призывам, провёл свой план изменений в административной структуре страны с целью демократизации Коммунистической партии и предоставления большей самостоятельности руководителям промышленных предприятий.

Была принята резолюция, обусловившая проведение выборов в Верховный Совет СССР по горбачевской схеме. Нужные М.С. Горбачеву люди (в том числе и он сам) будут избираться по спискам от общественных организаций, неудобные деятели — в общем порядке.

Вступил в силу Закон СССР «О кооперации».

2 июля 1988 года, Ленинград

ВЕЛИЧАЙШИЙ В МИРЕ ЭКСПЕРИМЕНТ

Родина... Родное...

Кроме пейзажа и языка, что еще я могу назвать этими словами?

Страшно становится, что в Вознесенье, где я родился и вырос, где лежат на кладбище мои родители, еду я порою так же трудно и настороженно, как за границу...

Мы, конечно, поставили величайший в мире эксперимент.

И эксперимент этот был осуществлен не

столько в экономических отношениях, а в сфере нравственности. Семьдесят лет искореняли мы православие и национальные традиции из воспитания. Семьдесят лет безумно пытались прорваться в небывалое.

В результате эйфория беспамятства, беспечность, неумение соразмерить свой путь со сроками жизни прочно вошли в нас...

Мы создали новый тип человека, меняющего свои убеждения в зависимости от конъюнктуры и остающегося при этом по-своему честным. Самое парадоксальное, что относится это не только к обслуживающим режим чиновникам, но и к оппозиционерам.

Как писала моя первая жена:

*Я против власти,
Мне не важно, какая власть!*

Мы достигли того, что некоторые явления как бы отрицают у нас саму свою сущность...

Состояние разрушения, катастрофы, пронизывающие наше сознание, настолько велики, что мы, быть может, как никакой другой народ выражаем сейчас сущность человечества второй половины XX века — кропотливо и целеустремленно разрушающего Землю.

25 июля 1988 года, Ленинград

РЕШЕНИЯ ПЛЕНУМА – В ЖИЗНЬ

В конце июля прошел Пленум ЦК КПСС, рассмотревший вопросы реализации решений 19-й партконференции...

А в августе эти решения начали претворять в жизнь...

Первые советские ракеты ОРТ-22 взрывали в Сарыозеке, а следом начали уничтожать и пусковые установки ракет РСД-10 в Ровенской области.

Говорят, что по китайскому поверью этот день 8.8.88 — самый счастливый день десятилетия.

Для китайцев...

Ну и для американцев, конечно, тоже...

Должно быть, по случаю такого праздника досрочно освободили Матиаса Руста, посадившего свой самолет на Красной площади.

Непонятно только, почему Михаил Сергеевич Горбачев не принял его на прощание, не наградил каким-нибудь орденом...

Журнал «Новый мир» начал публикацию «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына.

10 августа 1988 года, Ленинград

НЕТЕРПЕНИЕ

Мысль о том, что Россия способна «уроднить» любую самую враждебную и чуждую идею, будь то марксизм или либерализм, — заманчива.

Но всё равно для этого нужно время, десятилетия, иногда века, для этого нужно единство общественного сознания.

А мы нетерпеливы...

И вмешательство нетерпеливых, быть может, самое страшное и губительное для исторической судьбы России.

24 августа 1988 года, Пицунда

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

— Ты родился в августе?

— Да, ты родился в августе...

Такой вот странный диалог звучал во сне, я и понимал, что это про меня говорят, ко мне обращаются, но кто говорит, разобрать не мог и, проснувшись, еще долго лежал в постели и думал, что сегодня мой день рождения, 39 лет...

И вспоминал, что долго, очень долго на день рождения всегда были каникулы, и я, просыпаясь, лежал в постели, и утренний сон мешался с утренним солнцем, клубился и пенился, словно лимонад, только что разлитый по стаканам...

25 августа 1988 года, Пицунда

АВТОГРАФ КУПЦА ИГУМНОВА

Грубо и насильственно насаждаемый у нас интернационализм, тот интернационализм, который основателям советского государства виделся лишь в ущемлении всего русского, ни русскому народу, ни малым народам не принёс ничего хорошего.

Малые народы, потеряв свой язык, свою культуру, только сейчас, может быть, и осознают это.

Сами же русские оказались обокраденными, оболганной оказалась история взаимоотношений русских с другими народами. Воровство никому не пошло на пользу, и важно, что сейчас это начинают понимать не только русские.

Наш экскурсовод — пожилая абхазка — рассказывала о купце Игумнове, о его свершениях, о том, чем Игумнову обязана Пицунда.

А потом добавила вдруг, что и кипарисы здесь посажены хитро. Если подняться на вертолете, можно сверху прочесть имя купца Игумнова.

Это, скорее всего, экскурсионная байка.

Но родилась она среди местных людей, которым почему-то очень важно «автографом» русского купца, преобразившего их край, закрепить за ним авторство в обустройстве морского побережья Абхазии

25 августа 1988 года, Пицунда

ПЕРЕСТРОЙКА В ОБКОМЕ

Вечером зашел поддатый Борис Морозов.

Он помогает устроиться на обследование в больницу и зашел рассказать, что мне надо сделать для этого...

Я достал водку, мы выпили, и Борис сказал, что о больнице успеем поговорить и в другой раз, надо вначале поговорить о перестройке...

И рассказал, что двое из четырех загадочных взяточников, про которых поминали на партконференции, — это М.С. Соломенцев и И.В.Капитонов.

Горбачев хотел, чтобы они были названы, но Политбюро не поддержало его, более того, Горбачев якобы был даже подвергнут аресту.

Про Соломенцева и Капитонова я уже слышал, а про арест Горбачева — нет. Впрочем, арест, кажется, с градусами связан. Морозов действительно уже порядочно выпил. Так сказать, желаемое за действительное выдавал.

— Но ты хотел рассказать, как обком перестраивается... — напомнил я.

— Да... — сказал Морозов. — Перестройка полным ходом идет. Заведующие отделами уходят, теперь вместо них в отделах будут секретари... И еще. Решили образовать в Ленинграде независимый строительный концерн, который будет существовать сам по себе, никому не отчитываясь. «Прекрасная идея! — одобрили этот проект в ЦК КПСС. — Только одно неясно — кому этот концерн все-таки будет подчинен».

Я посмеялся вместе с Борисом, а потом спросил: а действительно, кому будет подчиняться концерн?

— Ты что? — спросил Морозов и как-то очень трезво посмотрел на меня. — Ты действительно не понимаешь?

— Действительно, не понимаю... — сказал я.

Трезвый взгляд Бориса заволокло пьяной мутью.

— Ну давай тогда еще выпьем! — сказал он. — За перестройку выпьем...

Пришлось мне достать из заначки еще одну бутылку водки...

16 сентября 1988 года, Ленинград

ЗЛОЙ ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

Как несправедливо, что не отсыхают руки у клятвопреступников, не угасает талант у людей, говорящих ложь.

Более того...

Поражает — в редакции я вижу это ежедневно — умение человека убедить себя в правоте лжи, аутотренинг, позволяющий с убежденностью пророка изрекать ложь...

Всё перепуталось в нашем сознании.

Десятилетние пласты лжи погребли под собою правду, и разве случайно, что я узнаю и начинаю понимать слова и поступки людей, которых я знал, только сейчас, когда этих людей уже нет в живых?

Думаешь о духовном исцелении, пытаешься составить программу спасения и понимаешь, что одному не выстоять, не выдержать... Надобна Вера, надобно креститься и обрести в православии опору души.

Иначе не получится ничего, не будет не только небесного спасения, но и земного тоже. Слишком погряз я в условностях, нет в душе твердости, сам я подобен сухому листу, который несёт ветер куда ему заблагорассудится.

Злой, недобрый ветер времени продувает насквозь, и укрыть от него только Вера в Бога и может...

18 сентября 1988 года, Ленинград

УВОЛЬНЕНИЕ ИЗ «НЕВЫ»

Сегодня сказал Никольскому, что увольняюсь из «Невы».

Борис Николаевич ждал этого разговора.

— Надеюсь, это не связано с идеологическими расхождениями? — спросил он.

— Какие же идеологические расхождения могут быть, если я свой роман «Пригород» собираюсь печатать в «Неве»... — пошутил я. — Нет, Борис Николаевич! На вольные хлеба ухажу.

— Ну что ж... — сказал Борис Николаевич. —

Тогда я не против! Будете у нас просто членом редколлегии...

19 сентября 1988 года, Ленинград

СИНГАПУРСКИЙ РИС

Приехал в Перedelкино, а попал в больницу. Но из больницы меня, слава Богу, через неделю выписали, и последние дни своего срока жил в Перedelкино.

Перед отъездом зашел на кладбище.

Суeta души, которая порою и не ощущается в обыденной жизни, вдруг сразу проступает, выплываeтся на кладбище.

Я отметил это еще в Вознесенье.

Сидишь у могил родителей и вдруг замечаешь, что думаешь не о том, о чем нужно думать, а о постороннем — пустом и мелком. И настолько заметна вся суетливость твоих обычных мыслей, что становится страшно...

Так и здесь...

На Ленинградский вокзал проводить меня приехал Анатолий Курчаткин.

Проводы получились очень трогательными...

Толя привез на вокзал сингапурский рис, который должен, по его убеждению, помочь моему излечению.

18 октября 1988 года, Москва

НЕОЩУЩЕНИЕ КАТАСТРОФЫ

Зачем я езжу?

Когда я уезжаю из города, мне каждый раз кажется, что, став поближе к тем людям, которые и составляют, вернее которые и должны составлять жизнь, я пойму что-то очень важное.

Но — увы! — в русской глубинке всё тихо, всё глухо, как будто ничего и не происходит в мире...

Всё охвачено какой-то невыносимой тоской непонимания, неоощущения надвигающейся катастрофы. От этого и ложь не уменьшается, а прибывает ее вокруг...

2 ноября 1988 года, Новая Ладога

В БОЛЬНИЦЕ

Всё-таки лёг с помощью Бориса Морозова в больницу на обследование.

В палате со мной лежит Юрий Глебович Анисимов. Сегодня его навестила мать — пожилая, строгая женщина.

— Выздоровливай! — сказала она и, поцеловав сына, встала. — Мне на работу пора.

— Где она работает? — спросил я, когда она ушла. — На почте?

— Почему на почте? — удивился Юрий Глебович.

— Сварщицей работает.

— А лет ей сколько?

— Семьдесят пять...

— Семьдесят пять?!

— Ага, не старая еще... Всего на пять лет старше советской власти.

22 ноября 1988 года, Ленинград

ИНДЕЕЦ КУТЁХИН

Принят Закон «О выборах народных депутатов СССР». Учрежден Съезд народных депутатов — новый высший орган государственной власти.

Я утром дописал рассказ «Индеец Кутёхин», а вечером приехал Юра Куликов из «Встречи», привез корректуру пьесы «Аввакум».

По телевизору рассказывают, что изменена Конституция СССР, и еще говорят о террористах, которые захватили автобус со школьниками, получили в Орджоникидзе самолет и угнали его в Израиль.

Дикая, какая-то «кутёхинская» пьянка.

2 декабря 1988 года, Ленинград

ЗАВОДСКОЕ ПОЛЕ

Сообщение об упразднении имен Л.И. Брежневa и К.У. Черненко в названиях улиц, городов, учебных заведений.

Получил письмо из журнала «Урал»...

Они решили опубликовать «Заводское поле».

Десять лет ждал я этого известия и вот дождался, а радости нет...

Возобновлена иноческая жизнь в Киево-Печерской Успенской лавре — первом монастыре Святой Руси...

28 декабря 1988 года, Ленинград

ПЕРВЫЕ ВЫБОРЫ

СУДЬБА КОТА

Новый год встречали у сестры и домой вернулись только вечером..

Дома — невыносимая вонь. Это наш молодой кот, видимо, решил, что мы съехали с квартиры, и

на всякий случай пометил всю квартиру как свою территорию.

Часа два Марина отмывала котовьи метки.

Я открывал и закрывал форточки, пытаюсь устроить сквозняк, и вспоминал, что наступивший год объявлен ЮНЕСКО Годом Анны Андреевны Ахматовой, что в этом году произойдет вывод советских войск из Польши, но ощущение вони стало, кажется, еще сильнее.

Особенно остро мы почувствовали это, когда обнаружили, что кот не забыл пометить и перепечатанную Мариной машинопись моей новой книги, которую нужно отнести в издательство.

В этой рукописи и заключена была, оказывается, судьба кота.

— Всё! — сказала Марина. — Завтра понесу его в ветлечебницу...

1 января 1989 года, Ленинград

НАШ ВЫБОР

Не знаю, что сулит этот год нам, но боюсь, что ничего хорошего.

Всё как-то смутно, неопределенно, а самое главное, жутковато, как во сне, катится к пропасти, и ты, как во сне, понимаешь, что падаешь, но не за что схватиться...

Приходил Виктор Самохвалов, рассказывал, что участились случаи самоубийств, сумасшествий, безумных убийств, совершенных в трезвом виде.

Загадочно?

Но, с другой стороны, как это наш главный борец с застоём и пьянством выражается?

«Для нас неприемлемы новейшие рецепты путей дальнейшего развития нашего общества, рецепты, составленные на заемных ценностях. Это уже не перестройка... То, что нам предлагается, не что иное, как неверие в наш исторический выбор»².

Особенно хорошо тут у М.С.Горбачева про «наш исторический выбор»...

Впрочем, можно ведь говорить, что и самоубийства, и даже сумасшествия мы тоже сами себе выбираем...

9 января 1989 года, Ленинград

САМООПЫЛЕНИЕ

Сегодня выдвигали на секции прозы кандидатов в правление нашей писательской организации...

Перед началом заседания секции подошел ко мне трезвый, в отупленном костюме Евгений

Васильевич Кутузов и, заговорщицки посмотрев на меня, сказал:

— Предложи мою кандидатуру...

Никаких сомнений в том, что Е.В. Кутузов должен быть в правлении писательской организации, у меня не было, и я кивнул.

Когда началось заседание секции, я предложил внести в список кандидатуру Кутузова. Прошло минуты две, и Володя Рекшан внёс предложение включить в список меня. Следом Кутузов предложил кандидатуру Рекшана...

Вот так и получилось по-русски твёрдо и незамысловато.

Как будто пол-литра на троих раздавили.

А вечером выступал во Дворце молодежи вместе с Борисом Никольским и Яковом Гординым, и хотя тут тоже самоопыление присутствовало, но уже никакой простоты не наблюдалось.

Только к концу вечера и сообразил я, что мы не просто так выступаем, а это Борис Николаевич Никольский кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР выдвигается.

12 января 1989 года, Ленинград

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТИ

Звонила Ира Моисеева.

Рассказала, что в «Московском литераторе» напечатано письмо четырнадцати писателей из Ленинграда с просьбой разделить Ленинградскую писательскую организацию.

Спросила, в какую организацию я пойду, если произойдет разделение...

Я сказал, что для начала надо хотя бы посмотреть, кто письмо подписал.

— Ну ты же знаешь кто! — сказала Ирина.

— Ну, если это те, кого я знаю, то тогда не знаю, кто с ними пойдет... — ответил я.

— Почему?

— Так им ведь кроме самих себя никто и не нужен больше...

Попробовал почитать после этого разговора, но не читалось. Всё о нашей русской недружности мысли в голову лезли. Из-за этой разобщенности ведь и история у нас такая.

Россия не хотела большевиков, но большевики пришли и захватили власть. И русские начали убивать русских.

² «Правда». 8 ноября 1988 г.

Недружность — вот беда наша. Слишком велика территория, слишком рассеянны мы, чтобы сдружиться, ощутить себя единым целым. И в своей культуре мы тоже очень рассеянны. Слишком велика она, слишком разнообразна. Это и сила, и слабость наша...

Чтобы отвлечься, включил приемник.

Как раз передавали новости. В Эстонии эстонский язык провозгласили государственным языком...

18 января 1989 года, Ленинград

КОНЕЦ СЮРРЕАЛИЗМА

Позвонил Саша Плахов. Сказал, что будет семинар по строительству Центра в Лисьем Носу. Попросил написать статью для журнала.

Семинар называется «Проблема создания нового Большого культурного туристского и развлекательного центра в районе Морская — Лисий Нос — Горская — Левашово в контексте социальной инфраструктуры Ленинграда».

Самое интересное — разговоры, перехлестывающие, как морская волна, с трибуны в коридор:

— Это почти мирового уровня проект! 19 миллионов кубических метров сооружений, представляете?

— Это хорошо. Но знаете, непонятно, где будут размещаться очереди в центр? Это не учтено в сценарном проектировании!

— А их не будет! Мы же на иностранцев рассчитываем...

— Очередей не будет?! Ну, это вы хватили... Кто же такой концепции поверит?

— Мы будем ценой очереди сокращать. Валютой...

— Ну, не знаю... А эти «чуды-юды» в стиле а ля рус зачем?

— Да, да! Это аляповатые по сценарию сооружения воспринимаются пока как нелепый напор мешанства!

— Просто ужасно! Они ориентированы не на постижение культуры, а на уход от нее!

— Но это же тоже рассчитано на иностранцев!

— На иностранцев? Все равно, тут подшлифовать надо...

Слушаешь эти разговоры, и такое ощущение, что стоишь напротив интуристовской гостиницы, а вокруг снуют юноши с помятыми лицами: «Дядя, дай жвачку!», «Дядя, дай резинку!»

Только здесь не юноши. Здесь — взрослые люди, большие начальники, профессора.

Но разговор такой же: «Дайте доллар!»

Очень противно.

Вечером включил приёмник — в Каталонии умер испанский художник Сальвадор Дали.

23 января 1989 года, Ленинград

ВТОРОЙ ДЕНЬ СЕМИНАРА

— Вы не понимаете! Три пятилетки надо на очистку Невской губы...

— Три?!

— Да! А ледники в Антарктиде уже тают!

— Тают?!

— Да! И уровень Мирового океана растёт!

— Товарищи! Нас пригласили обсуждать концепцию Центра, а мы обсуждаем, нужен тот или иной аттракцион или не нужен!

— Да! И учтите, что на экологическую экспертизу требуется два года, а строительство планируется начать уже этим летом!

— Товарищи! Центр будет сдан иностранцам на пятьдесят лет! Поклянемся не отдавать Лисий Нос!

Среди этих речей и диалогов возник мой однокурсник по Литературному институту Андрей Чернов.

То ли от разговоров на семинаре, то ли потому, что перебрал вчера, но вид у Чернова слегка безумный.

— В «Огоньке» сейчас?

— Да! В командировку приехал... А ты собираешься писать куда-нибудь?

— Собираюсь...

— А куда?

— Не знаю, просили в одном журнале, но им не подойдет то, что я написать хочу.

— А может, вместе для «Огонька» материал сделаем? У нас пойдет...

— Но мне в Румынию надо! Я сегодня в Москву уезжаю, а завтра в Бухарест. Если только после возвращения.

— Хорошо! — сказал Андрей. — Но пока ты мне блокнот и кассеты с записью конференции отдай, чтобы я тоже в материале был.

24 января 1989 года, Ленинград

ДОРОГА В РУМЫНИЮ

В купе, забитом чемоданами и тюками, нас встретила похожая на красотку с обложки заграничного журнала попутчица.

Обрадованные таким соседством, мы с поэтом из Таджикистана впили кое-как свой багаж, заставили столик едой и бутылками и двинулись в путь.

И хотя, приглядевшись внимательнее, утром мы обнаружили, что попутчица наша не так уж и красива, как показалось вначале, и совсем не так молода, но воодушевление не оставляло нас. Мы выпивали понемногу, закусывали, слушали бесконечные рассказы нашей попутчицы о румынской жизни, и за разговорами время в дороге пролетало незаметно.

Сама наша спутница была русская, училась в Москве, здесь и познакомилась со своим будущим мужем — румынским студентом, вышла замуж, и, когда тот привез ее в Румынию, чего только не было! Это потом «вожжь» решил все долги другим странам выплатить, и жить стало труднее.

— Вы про Чаушеску говорите? — спросил я.

Спутница оглянулась на закрытую дверь в купе и только потом кивнула.

— Но сейчас тоже хорошо! — сказала она слишком громким для нашего купе голосом. — И обувь дешевле у нас, и трикотаж, а хлопок вообще очень дешевый в Румынии! Живи только и радуйся!

Чем ближе к границе, все бесснежнее становилась зима.

Черные, быстро погружающиеся в сумерки пространства неслись за окном вагона.

Соседка всё еще хвалилась благополучным житьём, говорила, что часто приезжают родственники из СССР и она нисколько не жалеет, что вышла замуж в Румынию.

— Жить можно, — говорила она. — Не так и дорого тут всё, а обувь, шерсть, кожа — почти бесплатно.

Но уже в похвальбе этой, как в проносившейся за окном бесконечной тьме, сквозила пустота.

28 января 1989 года, Молдавия

РУМЫНСКИЙ РАССВЕТ

Ночью осталась позади закутанная в темноту Бессарабия.

Долго стояли в Унгенах — здесь меняли колеса, и

я долго не мог заснуть, а когда заснул, разбудили пограничники.

Проверка документов прошла быстро, но таможенники в нашем купе задержались.

Нам с таджикским поэтом волноваться было не о чем, а вот нашей спутнице пришлось понервничать. Она так лихо ворочала тяжеленные тюки, что я только диву давался, откуда в нашей красавице столько мужицкой силы. Как-то ловко выхватывала она из чемоданов то кусок сыра, то кусок колбасы и так же ловко всовывала в карманы таможенников, которые почему-то никак не увеличивались от этого в объеме.

При этом она непрерывно говорила по-румынски. То высказывала из купе вместе с таможенником, то возвращалась назад и снова принималась манипулировать тюками и чемоданами.

Таможенный осмотр наконец закончился. Таможенник уже взял у соседки документы, чтобы сделать отметку в них, но тут усталый взгляд его задержался на банке моего растворимого кофе, которую я открыл вчера утром.

Таможенник что-то спросил.

— Он спрашивает, нельзя ли угостить его кофе... — заискивающе перевела мне моя попутчица.

— Ради бога, — сказал я. — Пожалуйста...

Говоря так, я думал, что таможенник просто отсыплет себе кофе, но ошибся.

Моя спутница вручила ему всю банку, и она тоже бесследно исчезла в таможенных карманах.

Пока я грустно пытался осмыслить, что произошло, таможенник сделал необходимую отметку в документах и вышел из купе.

Медленный занимался в окне румынский рассвет.

29 января 1989 года, Унгены

НА ЧАС ВПЕРЕД

В Румынии стало холоднее.

В лучах утреннего солнца покрытые инеем поля казались огромными и первобытно пустыми. Только где-то вдалеке порою промелькивало жильё, но в самих степях было пусто, и сквозь пустое пространство брели, как заблудившиеся марсиане, опоры ЛЭП.

Наша соседка, перенервничав на границе, после ночных упражнений с чемоданами и тюками сразу сделалась проще. Пристально оглядывала она неподъемные чемоданы и тюки с колбасой,

сыром, маслом, консервами, сигаретами и конфетами, купленными в Москве, и благополучно — за мою банку растворимого кофе! — провезенными за границу. И видно было, что, задерживаясь взглядом на том или другом тюке, прикидывает она, как разделит добычу среди родни, и от этих нелегких расчетов проступали на ее лице морщинки и серизна увядания...

И уже совершенно не походила наша соседка под лучами пустовато-радостного румынского солнца на удачливую искательницу приключений, что встретила нас в купе в Москве. Сейчас среди неподъемных тюков с покупками сидела напротив обыкновенная русская баба, ничем неотличимая от пассажирок рязанских и ярославских электричек, возвращающихся с московской жатвы.

И разговор стал проще.

Как-то незаметно проговорила покорительница чужих краев, что вот младшему сыну ее повезло, он учится в лицее, а старшему — нет, так и остался работать на заводе. А там трудно...

— Почему? — спросил я.

— Работа очень тяжелая, а если завод не выполняет план, и выходных нет, иногда целыми месяцами без выходных и работает...

Так ответила соседка и задумалась, как не задумывалась вчера, когда перебрасывались мы именами эстрадных певцов, киноактеров и писателей.

А за окном пролетали мимо покрытые инеем яские степи и уже вырисовывались вдалеке окутанные заводские дымы Плеешты.

— Вот завод, где я работаю... — сказала соседка, показывая на покрытые копотью грязно-красные корпуса. И таким увядшим голосом сказала она это, что и сама стала похожей на давно сорвавшийся с дерева листок, который занесло сюда поездным ветром...

В Плееште соседку встречал молодой румын, наверное, ее сын, который учится в лицее. Наш поезд еще стоял, когда, нагрузившись тюками и чемоданами, зашагали они к часам, висевшим над перроном.

— Как ослики, — сказал таджикский поэт, глядя на них.

— А сколько времени? — спросил я у проводника, взглянув на свои часы. — Уже десять?

— Румынское время на час вперед нашего... — ответил проводник.

29 января 1989 года, Плеешты

МОСКВА

В Москве, как и договаривались, первым делом позвонил Андрею Чернову, сказал, что готов приступить к работе над статьей.

— А всё уже написано! — сказал Андрей. — Я по твоим записям сделал статью.

— Лихо! — сказал я. — А посмотреть можно?..

— Конечно! — сказал Андрей. — Она в этом номере «Огонька» напечатана. «Лисий нос и волчьи уши» называется...

Купил в киоске «Огонек» и прочитал статью. Не то чтобы она мне совсем не понравилась, а все равно странно свою фамилию под чужим текстом видеть.

Из Румынии я привез шесть бутылок коньяка и, конечно, тут же, поскольку на работу уже не надо было отвлекаться, и начал их пить с Николаем Ивановичем Горбачевым, у которого остановился.

Пили и рассуждали о том, что происходит сейчас...

Когда говорят, что сейчас нужна правда, часто забывают, что правда — это не только отрицание прежней лжи. Это еще и сама истина, как бы нам ни хотелось сейчас, чтобы она была другой. Сейчас, когда прошла эйфория первых лет перестройки и стало ясно, что никакие разоблачения брежневского или сталинского времени не могут заменить самой созидательной работы, мы уже иначе оцениваем людей, и уже видно, что перестройка не свалилась как манна небесная, а была подготовлена трудом многих людей. И у людей этих были свои цели и свои расчеты, не очень-то и совпадающие с тем, чего бы хотелось нам...

А вообще, впечатление от Москвы какое-то странное...

Главная достопримечательность в Москве теперь не Кремль, не Третьяковка, а первый в СССР ресторан-закусочная «Макдоналдс» на Пушкинской площади. Но скоро, как говорят, появится еще одна достопримечательность — Культурный еврейский центр имени С. Михоэлса.

9 февраля 1989 года, Москва

ПИСЬМО

Приехал в Ленинград. Главная новость — в Ленинграде открыта первая в стране лаборатория диагностики и профилактики СПИДа.

В накопившейся почте — письмо Визмы Белшавец, писательницы из Латвии, с которой мы — в

столовой сидели за одним столом — познакомились года три назад в Дубултах.

Визма мне понравилась тогда. Пожилая, но очень, очень живая женщина, очень непосредственная в общении. Понравилось и то, что городской квартире она предпочитает жизнь на хуторе...

И вот теперь, через три года, она прислала письмо.

Вначале Визма напомнила, где и при каких обстоятельствах мы познакомились, потом рассказала грустную историю, как москвичи, приехавшие отдыхать в Дубулты, убили ее сына и выбросили тело с девятого этажа, чтобы создать иллюзию самоубийства.

Осталось двое внуков сирот, а дело закрыли, потому что «если убит латыш и убийца не латыш, это дело у нас не подсудно».

После этой душераздирающей истории Визма перешла непосредственно ко мне...

«Вы умный и талантливый человек и потому наверняка всё правильно поняли...» — писала она.

Что именно я правильно понял, я не понимал, но размышлять было некогда, потому что из письма обрушилась на меня целая лавина весьма приятных слов.

«Я ведь вас прекрасно помню и книгу перечитываю. Я вам уже тогда сказала, что меня потрясла ваша Софья Андреевна из рассказа «Фотография». Моих друзей тоже. Сколько этот рассказ читался и обсуждался в моем доме. В моем кругу вы очень популярны».

Да, не так уж и часто доводится слышать столь умные похвалы.

И проглотил, проглотил я фразу: «И земной поклон вам, что вы понимаете праведность нашего дела», хотя ничего я не понимал в праведности латышского дела. Но не хотелось после таких умных похвал ломать голову над этими пустяковыми несоответствиями. И только последняя фраза: «Помяните нас, когда на нас пойдут танками, как сейчас на Армению», — отрезвила меня.

И сначала я даже рассердился, сообразив, что похвалы — это приманка, чтобы заглотил я пропагандистский крючок, но прошло еще немного времени, и ушло раздражение, ничего, кроме чувства восхищения Визмой, не осталось во мне.

Ведь это надо же так любить свою Латвию, что-

бы, не жалея ни сил, ни трудов, ни гордости, рассылать такие письма по всей России!

12 февраля 1989 года, Ленинград

ДОРОГА К САМОМУ СЕБЕ

Приехали в Раков.

Здесь остановка на полчаса. К девушкам с нашего автобуса сразу подбежали парни с другого рейса, о чем-то заговорили, может быть, договариваясь о встрече на танцах, потом убежали — их автобус отходил раньше...

И что-то шевельнулось в душе, и подумалось, что эта автобусно-райцентровская жизнь никем не тронута, никем не описана.

И пока обдумывал и этот сюжет, всё радовался, что уехал от шипящего гадюшника выборов.

Надо вообще почаще уезжать к самому себе...

Ну, а в завершение всего водитель высадил меня на остановку раньше.

Я очень долго объяснял ему, что мне нужно в Дом творчества писателей «Исlochь», но шофер, по-видимому, никак не связывал слово «писатель» с творчеством и высадил меня у дома отдыха, полагая, что писатель для того и создан, чтобы отдыхать.

6 марта 1989 года, Исlochь

ВО ВТОРОЙ СОВЕТСКОЙ БОЛЬНИЦЕ

Вчера так хорошо работал, а вечером начались резкие боли. Приступ холецистита.

Страшная ночь.

Чего только ни пил, но купировать боль так и не удалось.

Сегодня меня погрузили в автобус Дома творчества и повезли в Минск.

Всё утро возили по городу. Искали больницу, куда сдать, но меня, иногороднего, никуда не брали.

А боль нарастала...

— Послушайте! — не выдержав, сказал я. — Подвезите меня к вашему Союзу писателей. Уж если умирать, так хотя бы не в автобусе. Я там, на крылечке, посижу, пока вы не придумаете чего...

Угроза подействовала. Меня запихнули-таки во 2-ю советскую больницу.

Сделали уколы, поставили капельницу, и хотя боли не прекратились, но как бы отдалились.

После капельницы открыл том «Войны и мира», который захватил с собою из Дома творче-

ства, и начал читать, одновременно прислушиваясь к тому, что происходит внутри.

Жизнь, про которую я читал, очень мало походила на окружающий больничный быт, но чувства и ощущения были сходными. Это удивительное свойство прозы Льва Толстого. Его герои чувствуют себя соразмерно тому, как ощущает себя человек, стоящий рядом со смертью.

Мысли о своей смерти, но довольно спокойные...

11 марта 1989 года, Минск

ОПЕРАЦИЯ

Вчера было Прощёное воскресенье. Вчера приехала Марина.

Сегодня понедельник, все врачи на работе, Марина говорила с заведующим отделением.

— Надо делать операцию... — сказал он.

— Срочная операция?

— Нет, экстренная...

Марина рассказала это мне, чтобы уговорить согласиться на операцию, а чего меня уговаривать, если я и сам знаю, что без операции не обойтись.

Спокойно забрался на каталку и как-то очень спокойно поехал в операционную. Было 12.00.

Помню, когда привезли в операционную и включили лампу сверху, меня поразила несовместимость того, что происходит сейчас со мной — самого важного сейчас — и обыденности. Обыденных разговоров, движений людей, для которых моя смерть стала бы просто одной из смертей...

И именно от этих людей и зависела сейчас моя жизнь, и я как-то отстраненно успел подумать, что вообще-то это тоже очень несправедливо, но и всё — на моё лицо положили маску...

Очнулся от боли и от невыносимой сухости во рту. Надо мною сквозь туман всё те же прожекторные лампы, только потушенные. Оказывается, операцию — удаление желчного пузыря — уже сделали.

Куда-то меня везли.

Снова очнулся в реанимации. Руки привязаны к койке. Вместе с физраствором из капельницы течет мучительно-медленное время.

13 марта 1989 года, Минск

ПАРТИЙНАЯ СОТНЯ

Вчера перевели из реанимации в обычную палату.

Необычные ощущения возвращения к обычной жизни.

В палате работает репродуктор, рассказывает о Пленуме ЦК КПСС, на котором прошли выборы «партийной сотни» народных депутатов СССР от КПСС. По этому списку в депутаты прошла только верхушка ЦК: М.С. Горбачев и А.Н. Яковлев, а все секретари обкомов должны отстаивать депутатские мандаты в конкурентной борьбе.

17 марта 1989 года, Минск

ВСТРЕЧА

Приехали в Ленинград.

Из родственников, хотя мы и просили об этом — мне после операции какое-то время поднимать ничего нельзя — никто не встретил.

Зато Борис Морозов пришел, хотя мы его и не просили.

25 марта 1989 года, Ленинград

ВЫБОРЫ

Сегодня — выборы в Верховный Совет СССР. Сам Михаил Сергеевич Горбачев, инициировавший свободные выборы, участвовать в них не стал и не ошибся — избиратели голосуют не за программы, а против партаппарата.

На нашем участке все вычеркивают обкомовского кандидата, заместителя председателя исполкома Ленсовета Алексея Алексеевича Большакова.

26 марта 1989 года, Ленинград

«НЕТ!»

Был в «Неве». Взял «Март семнадцатого» А.И. Солженицына, который будем обсуждать на редколлегии на предмет публикации.

День знаменательный. В «Ленинградской правде» опубликованы результаты голосования.

КПСС потерпела на выборах по Ленинграду сокрушительное поражение. Ни один рекомендованный обкомом кандидат не избран.

Сейчас все кричат — нет! Нет — расходам на космос. Нет — атомной энергетике. Нет — биотехнологиям.

Это «нет» — пропуск к успеху, к аплодисментам, к популярности. Это «нет» — советскому государству, политике коммунистов.

Но ведь это «нет» — и нашему будущему тоже.

28 марта 1989 года, Ленинград

ШИПЫ В ЛАВРОВОМ ВЕНКЕ

Пожинаю лавры, которые принесла статья «Лисий нос и волчьи уши», опубликованная Андреем Черновым за нашими подписями в «Огоньке».

Вчера позвонил Владислав Андреевич Шошин, долго расхваливал статью, я терпеливо слушал и дождался...

— Дмитрий Сергеевич Лихачев вашу статью прочитал... — Шошин выдержал паузу и со значением добавил. — Ему ваша статья понравилась.

И снова в разговоре образовалась пауза...

Что я должен был отвечать, чтобы заполнить паузу, не знаю.

Может быть, мне следовало вытянуть руки по швам и отрапортовать, дескать, служу перестройке и борьбе за свободу слова, но я, разочаровывая собеседника, промямлил в ответ что-то не очень понятное и самому себе...

Ну, а сегодня на меня вышел активист Валерий Ракитский и принялся убеждать, что я не имею права прекращать борьбу за спасение Лисьего Носа.

Как я понял из разговора, организация сопротивления строительству лисьеносовского комплекса стала смыслом жизни Валерия Ракитского. Он всё время встречается с кем-то, выступает. В кошелке, с которой он ходит, — документы. Ещё Ракитский собирает подписи. Собрал уже две папки подписей. Это его капитал...

Этими папками Валерий особенно дорожит.

Этими папками и заманил он меня в Лисий Нос.

Целый день потерял на разговоры, объясняя ошибки и неточности «огоньковской» статьи.

Возвращался назад и думал, что шипов и колючек в лавровом венке, свитом Андреем Черновым, все-таки больше, чем лавровых листьев.

1 апреля 1989 года, Ленинград

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Сегодня Виктор Кривулин попросил рекомендацию в Союз писателей.

— Решил вступать? — обрадовался я.

Так получилось, что с Виктором Кривулиным я познакомился около двадцати лет назад, и за эти годы его стихи стали для меня вполне очевидной литературной реальностью, ничуть не меньшей, чем творчество известных современных поэтов.

Я готовил первую в нашей стране крупную

подборку Кривулина в сборнике «Круг», который редактировал в «Советском писателе», но известность Кривулина как поэта началась задолго до этой подборки. Стихи его пришли к читателю в машинописных копиях, сумели выдержать суровый конкурс «самиздата».

— Да... — сказал Виктор. — Надо вступать...

— Давно уже надо было...

— Так только сейчас мои парижские книги согласились взять... А других, кроме «Круга», у меня нет ...

2 апреля 1989 года, Ленинград

ВОЛОГОДСКИЕ ОБЫЧАИ

Три дня назад позвонил Саша Цыганов из Вологды, сказал, что пьесу мою про Николая Рубцова вроде бы берут в театре. Я, конечно, обрадовался, но сразу озадачился, почему вроде и отчего тогда он звонит, а не из театра позвонили?

— Позвонят... — сказал Саша, но как-то неуверенно.

Ладно! Бог с ними, может быть, так принято в Вологде изъясняться.

А сегодня говорил с Алексеем Васильевичем Локтевым, который тоже прочитал пьесу.

Он о постановке пьесы не говорил ничего, зато рассказал, что у Рубцова, оказывается, отец не погиб на войне, как об этом писал в стихах Николай Михайлович, а просто бросил прежнюю семью и завел новую. Уже став поэтом, Николай Рубцов встречался с отцом, и отец просил его помогать ему.

Подробности потрясающие.

Поразительно, какая мощная драматургия в них!

Еще поразительнее, что в объемистом сборнике воспоминаний о Рубцове я так и не нашел этих подробностей.

Ну, видно, так и принято в Вологде вспоминать о великих земляках.

Чтобы как в наградном лице никаких неясностей не было, никаких тучек.

7 апреля 1989 года, Ленинград

КАТАСТРОФА В ГРУЗИНСКОМ МОРЕ

4 апреля, когда начался несанкционированный митинг перед домом правительства в Тбилиси, М.С. Горбачев отбыл с визитом на Кубу.

Говорят, митингующие долго бомбардировали конгресс США и НАТО просьбами оказать по-

мощь для выхода Грузии из состава СССР, а потом начали воздвигать баррикады на ближайших к Дому правительства улицах и запасаться камнями.

9 апреля, когда они, наконец, приготовились, власти бросили на разгон митинга войска.

Солдат забрасывали камнями, пустыми бутылками и мусорными урнами. Защищаясь, десантники взяли за пехотные лопатки.

Митингующие побежали. Во время бегства несколько человек было задавлено.

В этой подлой неразберихе, сотканной из попустительства и подстав, поначалу никто и не обратил внимания, что 7 апреля произошел пожар на атомной подводной лодке «Комсомолец», способной опускаться на километровую глубину, и в результате подводная лодка, несшая на борту ядерные боеголовки, затонула.

И разве в Норвежском море погибло это «титановое чудо»?

15 апреля 1989 года, Ленинград

СОЛЖЕНИЦЫН, МУЖЕСТВО И МЫ

Редколлегия в «Неве»...

Печатать или не печатать «В марте семнадцатого» А.И. Солженицына?

Вообще-то, Солженицына напечатали за последние месяцы столько, что публикация не очень интересного куса из «Красного колеса» едва ли добавит очков нашему журналу.

Но чтобы предложить сейчас не печатать Солженицына, мужества требуется не меньше, чем для того, чтобы десять лет назад предложить напечатать его.

У нас — увы! — этого мужества не отыскалось тогда.

Не отыскалось его и сейчас

Решили опубликовать...

25 апреля 1989 года, Ленинград

КАНДИДАТЫ В ДЕПУТАТЫ

Видно, снегом мело через дорогу на Сретенье, предвещая затяжные, как нынешняя весна, выборы...

Утром разбудил Е.В. Кутузов и сказал, что мне, доверенному лицу Глеба Горышина на выборах депутатов в Верховный Совет СССР, надо ехать с ним в Гатчину.

Как я превратился в доверенное лицо, спрашивать не стал.

Надо так надо. В Гатчине прекрасный парк со светлым озером за черными стволами деревьев.

Погоуляли, пообедали в ресторане с водочкой.

— А какую-нибудь программу, Глеб Александрович, вы составили? — поинтересовался я.

— Какая программа... — пожал плечами Горышин. — Если надо, пускай выбирают...

Он где-то там, лет десять назад, когда ещё главным редактором «Авроры» был, когда всё в нашей стране в ЦК КПСС решалось, пожимал плечами.

Ну, а дебаты вечером в Доме культуры уже в наше время происходили...

Глеб Александрович выглядел неважно. И говорил плохо, но главное, не понятно о чем. Что значит — беречь леса? Это же программа лесника, а не кандидата в депутаты...

А вот конкуренты — и Юрий Васильевич Трусов (директор Синявинского птицекомплекса), а главное, инженер Александр Митрофанович Оболенский — блистали. Александр Митрофанович говорил хотя и шепеляво, но так ловко, что становилось как-то не по себе. Аргументы его убеждали, а обещания увлекали.

Понятно, что это демагогия, но противопоставить ей Горышину нечего.

Конечно, не дело писателя думать о рекламе, о том, как ловчее подать себя, но ведь и баллотироваться в депутаты тоже не писательское занятие.

27 апреля 1989 года, Гатчина

БАНКЕТ ПРОИГРАВШИХ

Вот и все.

Глеб Александрович проиграл выборы, а победил, как это с самого начала было ясно, инженер А. М. Оболенский.

Самое светлое впечатление от избирательной кампании — церковь в окне гостиничного номера в Луге, где мы жили, агитируя за Горышина.

Но на кандидатском счету Глеба Александровича остались неизрасходованные деньги от тех, что были выделены на избирательную кампанию, и Евгений Васильевич Кутузов придумал, как оплатить ими банкет по случаю проигрыша, использовав денежные средства, так сказать, с максимальной пользой для выборного процесса.

Выпив, я вспомнил, как в Луге выступал в цехе, будто на революционном митинге, и стало даже обидно, что сам Глеб Александрович не видел

этого и вообще отнесся, мягко говоря, не очень ответственно к избирательной кампании.

До того досадно стало, что я сказать об этом хотел, но потом посмотрел на Горышина, который хоть и за банкетным столом сидел, но как бы в стороне от нас, и передумал.

Это мне, выступая в цехе на митинге, интересно было играть в выборы, а Глеб Александрович — человек серьезный, и играть в затеянную игру у него не было ни сил, ни желания...

Правда, не надо было и браться за эту игру, но тут уж что говорить.

Характер такой у человека.

И возьмется за дело, а сам все равно как бы в стороне будет сидеть...

19 мая 1989 года, Ленинград

ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ

Поехал с поэтами Николаем Рачковым и Геннадием Морозовым в Новгород на Дни славянской письменности и культуры.

Автобуса ждать не хотелось, и мы взяли такси.

По дороге остановились возле бревенчатого дома Глеба Успенского в Сябрыницах. Здесь Глеб Иванович написал свою «Власть земли».

Чтобы лучше понять крестьянский труд, Глеб Иванович и сам старался жить, как он считал, «трудами рук своих». Вместе с детьми он высаживал березы и клены вдоль дороги, ведущей к Керести.

Запомнилась пахучая сирень — такая густая-густая, такая тихая-тихая!

— Вот здесь бы и жить, писать стихи... — мечтательно сказал поэт Геннадий Морозов. — Здесь самую суть народной жизни чувствуешь...

— Да... — согласился с ним поэт Николай Рачков. — Глеб Успенский и нес эту суть в своих книгах...

Когда уже уселись в такси и не слышно стало густого запаха сирени, я вспомнил, как приезжал Глеб Иванович осенью 1883 года из Сябрыниц хоронить привезенного из Парижа Ивана Сергеевича Тургенева.

Вместе с другими народными заступниками он устроил тогда в «Метрополе» обед, на котором, как говорится в его биографии, не опасаясь переодетых агентов охраны, писатели громко говорили о равенстве и братстве...

Вот ведь какая крепкая власть земли тогда была...

Но и сейчас она тоже сильной остается, судя

по разговорам Геннадия Морозова и Николая Рачкова.

23 мая 1989 года, Сябрыницы

ПРАЗДНИК СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ

Было невыносимо жарко, и я стоял с московскими писателями Евгением Черновым и Анатолием Старостиным в тени под деревьями, а возле памятника «Тысячелетие России» толпились исполкомовские чиновники, протоиерей М.М. Елагин и певица Людмила Зыкина.

Чуть в стороне от них, в своем похожем на театральное одеяние наряде, стоял маленький, как будто игрушечный, Дмитрий Михайлович Балашов.

Долго и бестолково, пытаюсь связать перестройку со славянской письменностью, говорил заместитель председателя облисполкома В.А. Цалпан. Получалось, что для того, чтобы сделать перестройку, и создавали письменность равноапостольные Кирилл и Мефодий.

Потом В.А. Цалпан замолчал, сбившись. Но оказалось, он завершил свою речь. Первым это понял протоиерей. Он захлопал, а следом за ним захлопали и другие.

В качестве продолжения праздника состоялись встречи писателей со школьниками.

Мы выступали в разных школах, но повезли меня с Черновым и Старостиным на одной машине.

— Я не хочу выступать... — всю дорогу твердил Старостин. — Выступи за меня, Женя! Я тебе за водкой сбегаю.

— Не пью водки! — сурово отвечал Чернов.

Меня высадили у школы № 26, а они поехали дальше, то ли выступать, то ли водку пить.

Вечером состоялся концерт Людмилы Зыкиной.

Она хотела, наверное, сказать что-то важное о России, а заговорила, как будто радио включили, о какой-то многонациональной Родине.

24 мая 1989 года, Новгород

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД

Все эти дни идет 1-й съезд народных депутатов СССР.

По прямой телетрансляции можно наблюдать и истерику по поводу грузинских событий, и бенефис счастливого конкурента Г.А. Горышина — депутата А.М. Оболенского на выборах Председателя Верховного Совета СССР.

Свое избрание поборник демократии М.С. Горбачев провел безальтернативно.

Этим, видимо, и завершилась задуманная им реформа власти.

Горбачев вывел свой пост Председателя Верховного Совета СССР из-под контроля КПСС, но при этом сам остался Генеральным секретарем партии, превращая ее из партии главы государства в партию при главе государства.

26 мая 1989 года, Новгород

ЧЕРЕМУХОВЫЙ ЦВЕТ

В станционном палисаднике отцветала черемуха, и белые звездочки цветков осыпались на серый асфальт перрона.

Рядом стояли две молодые женщины.

– Снег, что ли? – спросила одна.

– Не... – ответила другая. – Рыбья чешуя, наверно...

Какой снег в мае? Какая рыбья чешуя на железнодорожной платформе?!

Я не сказал ничего вслух, но женщины как-то почувствовали, что я вроде бы хотел заговорить с ними, и не то чтобы отодвинулись, а как-то отдалились от меня.

– Мой-то тоже теперь разговаривать научился... – неодобрительно сказала одна. – А раньше молчал всё.

– И мой тоже хулиган хулиганом. Ни один лагерь не берёт.

Я думал, что они говорят о детях, но ошибся – молодые женщины говорили о своих мужьях.

– Все такие! Пока ухаживают, а потом сразу характер показывать начинают.

И обе дружно вздохнули.

Была весна...

В станционном палисаднике отцветала черемуха, и белые звездочки цветков осыпались на серый асфальт перрона.

27 мая 1989 года, Ленинград

«ТИТАНИКИ»

Председатель Совета Министров Н.И. Рыжков представил Верховному Совету СССР план поэтапного перехода к «регулируемой рыночной экономике».

Совпало так, что через день умер поэт Арсений Александрович Тарковский:

*Покою не знающий странник,
Кляню я чужой пароход,
Я знаю, что это «Титаник»
И что меня в плаванье ждет...*

– писал Тарковский в своей последней книге «От юности до старости».

Перечитываю эти стихи и думаю про «Титаник», на котором сейчас плывем все мы.

28 мая 1989 года, Ленинград

(Окончание следует)



Николай Михайлович КОНЯЕВ

родился в 1949 году в поселке Вознесенье на берегу Онежского озера.

Автор книг: «Земля, которая помнит все», «Первые уроки»,

«Ненайденные клады», «Рассказы о землепроходцах»,

«О себе Ермак известие дал», «Пригород», «Марсиане»,

«Гавдарея», «У тихой воды», «Неудавшийся побег»,

«Гибель красных Моисеев», «Подвиг митрополита»,

«Путник на краю поля», «Ангел Родины», «Солженицын в обвале»,

«Аввакумов костер», «Великая северная ревизия» и других.

Романы и повести отмечались премией имени Василия Шукшина,

премией Андрея Платонова, премией ВЦСПС,

годовыми премиями журналов «Наш современник»,

«Молодая гвардия», «Север», «Студенческий меридиан».

